Вера Чиркова
Последний отбор.
Угол для дерзкого принца
Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Последний отбор

Вера Чиркова

Последний отбор. Угол для дерзкого принца

«АЛЬФА-КНИГА»
2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Чиркова В. А.

Последний отбор. Угол для дерзкого принца / В. А. Чиркова — «АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Последний отбор)

ISBN 978-5-9922-2883-0

Известно ли кому-нибудь достоверно, как живется в замужестве девушкам, выигравшим однажды отбор для знатного жениха? Точнее, желает ли хоть кто-то знать это во что бы то ни стало? Ведь издавна принято считать, что, получив желаемый приз, юная невеста просто обязана быть счастливой и благодарной.Так не лучше ли раз и навсегда принять это за доказанный факт, иначе в душу очередных претенденток могут закрасться сомнения в необходимости и человечности подобных, замаскированных под смотрины торгов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2883-0

© Чиркова В. А., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 9
Глава третья 13
Глава четвертая 18
Глава пятая 22
Глава шестая 28
Глава седьмая 33
Глава восьмая 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Вера Чиркова
Последний отбор. Угол для дерзкого принца

Глава первая

– Давай сделаем так, горлинка моя ясноглазая. Сперва ты пояснишь мне подробно, где пропадала больше суток, а уж потом я доложу последние новости и свои соображения, – уютно устроившись в кресле и проверив, правильно ли хлопотуха заварила брусничный чай, непререкаемо объявила Манефа.

И мне оставалось только согласиться с этим предложением. При всей своей доброте и мягкости Манефа не выносит ни капризов, ни упрямцев и этим очень напоминает мне наставника. Гесорт тоже никогда не поддастся ни на жалобный взгляд, ни на надутые губы.

В этот раз я рассказывала все обстоятельно. Ничего не упустила: ни рвавшей сердце обиды на жестокие слова Ренда, ни его обещаний в засыпавшем нас глиной убежище, ни амулета, до сих пор висевшего у меня на шее. Помянула и о том, что Стай с Альми об этом амулете, несомненно, знали, но смолчали. Как и обо всех своих прочих подозрениях и выводах.

– Вот оно как… – Бабушка уже сидела на мягком подлокотнике моего кресла, гладила меня по волосам и вытирала непонятно откуда взявшиеся слезы большим и мягким голубым платочком. – Цветик ты мой лазоревый! А я и думаю, чего же это новый внучок передо мной побитой собакой вертится! Вот теперь мне все понятно… Ведь для такого сильного воина нет хуже позора, чем пустить в смертельную западню свою напарницу! Да еще и подругу… и любимую девушку друга.

– Если бы любимую, – с невольной грустью усмехнулась я.

Как выяснилось, чувствовать себя обожаемой и нужной очень приятно: словно крылья за плечами вырастают и все вокруг становится лучше и светлее.

– Ну в этом теперь сомневаться не приходится, – веско заявила Манефа. – Уж если принц выбрал верную смерть, стало быть, ты ему дороже жизни.

– Когда… выбрал? – Чашка с чаем выпала у меня из рук, и мир вмиг потемнел.

– Светлые боги, – засуетилась Манефа, брызгая на меня водой, словно чая мне было мало, – ты же говорила, будто никого не любишь?

– Бабушка… – простонала я, создавая теплый ветерок, чтобы высушить платье, – но когда же это было!

– Да всего три дня назад… На, выпей вот холодненького, с чего это ты так расстроилась? Сама же мне рассказала, как он пытался прогнать тебя с полными карманами этой вашей магии, а сам остался на верную погибель.

– Но почему сразу на смерть?

– Так ведь он до этого уже сражался, оружие подрастратил и силы тоже. А те пауки все толще лезли. Как должен рассуждать умный человек в такой ситуации? Что дальше пряники на стенах будут расти? Вот он и рассудил, что скоро появятся самые большие, а за ними, вполне возможно, и сами хозяева. И не пожелал смотреть, как они скормят тебя паукам или еще чего похуже. Решил отвлечь на себя, пока ты убегаешь. Чего ж тут хитрого-то? Не им придумано и не он первый так поступает. Да и не последний, хотя могу точно сказать – далеко не каждый мужчина способен на подобное. Вот среди тех, кто спокойно выбирает невесту по фигуре да по зубам, таких обычно не водится. До такого, цветик мой лазоревый, человек душой подняться должен, а душа – она ведь на коврах и подушках не растет, пирожными и диковинками не

питается. Ей, чтобы созреть, усилия нужны, свои страдания и к чужой беде сострадание, внимательность и наблюдательность, боль потерь и радость находок. Да ты и сама это поймешь, если вспомнишь, какой беззаботной и беспечной была лет пять назад. Думаешь, народ зря говорит, что битые вдвое дороже небитых? Нет, лапушка моя, мудрость людскую не обманешь и не подкупишь, она всегда правду выведет и выделит.

– Манефа, я все это понимаю, но не тяни же ты, ради светлых богов! Что там с Рендом?

– Жив, – коротко сообщила она, испытующе глянула мне в глаза и с улыбкой добавила: – И не ранен. Но сидит под домашним арестом и неусыпным наблюдением.

– Как это «под арестом»? – Я снова едва удержала чашку.

– Поставь ее лучше, – отобрала воду Манефа. – Слаба ты еще после вчерашнего-то. Тебе сейчас бульону понаваристее нужно.

– Мне сейчас нужнее всего услышать, за что его посадили. И куда? А в цитадели знают?

– Ну как им не знать, – почему-то отвечать Манефа начала с последнего вопроса. – Всё они знают, магистры наши дорогие. А внучку́ я при встрече объясню, что бабушки – это вовсе не придворные фрейлины, с ними нужно разговаривать без всяких недомолвок и интриг. Он ведь мне сказал, будто ты в западню попала, а теперь тебя магистры в цитадель вызывают.

– Манефа! Не надо про Эстена. Я и сама знаю, что с бабушками он обращаться не умеет, но где ему было учиться? Старая герцогиня Таринская его и видеть не пожелала, молодая вообще ненавидит. А с матерью и ее семьей он уже лет десять не встречается. Но мы сейчас говорим про Ренда. Так за что его посадили?

– Не знаю, как сказать, – задумалась бабушка. – Все по-разному объясняют. Знатные лорды обвиняют его в попытке дерзкого обмана, недостойной принца. Цитадель считает это просто особым испытанием. Сам Ренд говорит, будто желал проверить чувства оставшихся претенденток.

– Как именно? – У меня на сердце словно камень лег.

– Шестеро друзей Ренда, – кривя губы в странной гримасе, сообщила старушка, – переоделись в похожие на его костюмы и маски и послали невестам приглашения на свидание. В разные беседки. Но везде были следящие камни.

– И они?

– Все как одна явились, – Манефа едва сдерживалась и собиралась она вовсе не плакать, – и три часа объяснялись лордам в любви.

– А те? – Представив эту картину, я встревожилась. – Они себя как вели? Неужели…

Нет, подобных предположений вслух лучше не произносить.

– Ничего подобного, молодые люди были очень учтивы. И молчали, как истинные немые, – уже вовсю хихикала бабушка. – Принц им условие поставил – быть слегка похожими на него одеждой и маской, но ни в коем случае не пользоваться амулетами личины и имитацией голоса. Они ведь не к кому попало шли, а к тем девушкам, к которым чувствовали влечение.

– Даже представить не могу, как это происходило. Им теперь, наверное, очень стыдно… лордам, я имею в виду?

– Да с чего бы? Они ведь просто шутили, – отмахнулась старушка и пояснила: – Мужчины к таким вещам относятся намного проще, чем мы. Зато получили возможность поухаживать за девушками, показать себя. Кстати, трое уже попросили прощения за шутку и сделали своим избранницам предложение.

– Манефа, возможно, я как-то не так воспитана… но я бы со стыда сгорела.

– Хорошо ты воспитана, правильно. А девушки, сообразив, как опростоволосились, приняли предложение. Две. Третья думает. Но их родители пока согласия не дали. Требуют, чтобы сначала принц сделал выбор и женился.

– А остальные три претендентки?

– Уверяют, что с ними был именно принц. – Манефа огорченно покачала головой. – Чуть не передрались, обвиняя друг дружку во лжи. Но не это главное. Там еще прибыла целая толпа родичей Савиллы и обвинила принца в жульничестве. Им его твердо пообещали – они к свадьбе наряды шьют, в долги залезли, имение заложили, чтобы выезд купить. А заодно вмешались и мать Ликонтии с сестрами, эта требует, чтобы отменили развод ее дочери и вернули законную королеву.

– А цитадель куда смотрит? – расстроилась я.

– Цитадель, как я понимаю, – мягко улыбнулась мне старушка, – вчера спасала принца и тебя, а сейчас отдыхает. Там ведь ночь.

– Ну да, – пробормотала я виновато и вдруг вспомнила еще одну вещь, которую не рассказала бы никогда и никому, кроме Манефы. – Бабушка, я хочу открыть тебе чужую тайну… мне очень важно знать, что ты об этом думаешь.

– А клятву давала? – деловито осведомилась она.

– Нет, но эта тайна – из тех, какие я и сама никогда не рассказываю.

– Тогда говори, только тихо, коротко и без имен.

– Ага. Значит, так. В ловушке были еще пленники, и один из них оказался отцом моего знакомого лучника.

– Похоже, совсем у меня с памятью плохо, вот и события уже путаю, – помолчав, задумчиво сообщила Манефа. – Мне ведь казалось, будто того охотника уже и в живых нет.

Я одобрительно кивнула, и глаза старушки на миг изумленно расширились, а затем лукаво прищурились.

– Видать, спутала с кем-то. Так, говоришь, спасли его? Ну и замечательно. Человек-то очень хороший, пусть живет себе спокойно. А я тут как раз одну историю вспомнила, расскажу да лягу спать. Солнце у вас здесь неправильное, ночь должна быть. Так вот, был у меня знакомый… горшечник или скорняком он был? Не важно. Бросил однажды свое дело и ушел в другой город. И стал там менестрелем вроде бы. Все знакомые его осуждали – чего не жилось? Ремесло знакомое, по наследству доставшееся, дом тоже – полная чаша. А того, что он просто вырос из этого ремесла, как из детских штанишек, и осознал, что занимается чужим, неинтересным ему делом, когда своя судьба в другом месте ждет, никто понимать не хотел.

– Ты так считаешь? – задумалась было я, но глянула на зевающую бабушку и поспешила уйти.

– Отдохни, цветочек лазоревый, – догнало меня в дверях напутствие старушки, – а часа через четыре отправимся домой. Надо мне сходить в одно место – посоветоваться.

– Но Манефа! Мне Стайн велел никуда не ходить!

– Ну, значит, сначала его спросим, может, уже передумал, – невозмутимо кивнула она, направляясь к постели. – Маги – они такие непостоянные.

Отдыхать я устроилась в кресле на маленьком восточном балкончике, обращенном к запруде. Но вскоре убедилась, что не могу даже спокойно рассуждать, не говоря уже о том, чтобы подремать на свежем воздухе. Беспокойные мысли, одна сквернее другой, возникали и отодвигались, чтобы уступить место другим или через минуту вернуться. Были моменты, когда мне казалось, что Ренда обязательно заставят жениться на Савилле, но я представляла его в храме с ней под руку и заливалась почти счастливым смехом. Да он скорее возьмет свой лук и устроит небольшое побоище, хотя такие методы совершенно не в его характере.

Но ведь лорды не отступят, и глупо не понимать, что их так беспокоит вовсе не счастье дочерей, а возможность запустить руку в королевскую казну. И за эти, чужие пока, деньги они готовы перекроить по своему усмотрению судьбы и принцев, и собственных детей, растоптав их надежды на счастье.

Вот же напасть! Неужели магистры цитадели еще ничего не знают и не ищут способа помочь?

Нет, не может такого быть. Ведь когда меня заперли во дворце Эста, магистры мгновенно прислали и Неверса, и Калиану, да и Стай сразу согласился наблюдать за отбором.

Бешеные винты! У меня после проклятой ловушки явно что-то с сообразительностью. Стай ведь там каждый день бывает, отбор же еще не завершен. И сегодня с утра должен был сходить.

Так вот почему его волновало мое предчувствие. Он все прекрасно знал и не хотел меня волновать. Или проверял по обыкновению? Хотелось бы знать, что именно.

Впрочем… Я глянула на синее небо, по которому медленно плыло несколько пушистых белоснежных кораблей, и решительно встала с кресла. День, хотя и пошел на убыль, еще в полном разгаре, вполне можно проведать друзей. Пока бабушка спит, пять раз успею сходить туда и обратно.

Глава вторая

Моментально вырастив воздушную лиану, я перенесла себя вниз, на короткую травку, почти скрывшую вымерзшую проплешину. Поежилась, вспомнив «подарок» королевы, и напрямик направилась к дорожке, ведущей к дому Гесорта. Он стоял на пологом берегу речки немного дальше по течению и был загорожен от воды густой живой изгородью. На ее фоне мне было отлично видно и белую беседку, и широкое, как диван, удобное сиденье качелей.

И темноволосого мужчину в простой светлой одежде, медленно бредущего по тропке мне навстречу. Не знаю, чем он меня насторожил, но в следующий миг над моей головой уже сомкнулись щиты невидимости. У них есть одна особенность: вместо стоящего под ними человека все вокруг видят предметы, расположенные за ним.

За моей спиной был дом, и я осторожно отступила к нему, почти влепившись в стену, пахнущую разогретой смолой. Но при этом не отводила взгляда от идущего в мою сторону человека, постепенно узнавая его и начиная понимать, что именно меня в нем встревожило.

Его необычное поведение.

Никогда раньше Ренд не ходил так медленно и тяжело, как будто нес на плечах неподъемный груз.

И смотрел принц всегда иначе. Гордо запрокинув голову, дерзко озирал все вокруг пристальным, бдительным и чуточку насмешливым взглядом.

А сейчас он брел понуро, отрешенно глядя под ноги, и вряд ли видел хоть что-нибудь на расстоянии пяти шагов. Первое подозрение, что это вовсе не Ренд, я отмела уже в следующую секунду. Если бы сюда удалось проникнуть подставному принцу, он постарался бы точно копировать подлинного Райвенда.

Значит, произошло нечто настолько отвратительное, что у него просто не осталось сил поддерживать привычную маску. Ведь в поле, когда рядом не было никого из чужих, он становился совершенно другим. Пусть строгим и немногословным, зато внимательным и заботливым.

Я огорченно вздохнула и отступила еще дальше, за угол, не желая попасться на подглядывании. Вблизи о моем присутствии принцу подскажут амулеты, и это вряд ли добавит ему радости. Он не из тех, кто готов терпеть чужую жалость, уж это я успела понять.

Крыльцо дома было видно с дорожки, поэтому мне пришлось вернуть себя назад на балкончик тем же способом. А потом я осторожно, на цыпочках, спустилась по лестнице и поспешно устроилась на кухне возле блюда с разными булочками. И успела налить полчашки чая и даже сделать маленький глоточек, прежде чем вспыхнул сигнальный фонарик, сообщавший о пришедших гостях. Секунду смотрела на него, сдерживаясь, чтобы не побежать, затем отставила чашку и неторопливо пошла в прихожую. Мне ведь неизвестно, кто там заявился?

– Входите, – приветливо улыбнулась, выходя навстречу гостю, и встревоженно замерла, рассмотрев его лицо: – Ренд? Что произошло?!

– Альмисса… – невнятно пробормотал он, садясь прямо на пол, – отравила. Я тут немножко полежу?

– Как «отравила»? – У меня в душе все оборвалось.

Альми была слабым магом, но это с избытком компенсировалось кучей амулетов, которые повесил на нее муж. И неизвестно, какой из них мог сработать, если счел действия принца опасными.

– Какой-то дрянью… – пробормотал Ренд, опасливо, как бездомная собака, укладываясь в уголке прихожей, – Прости, любимая.

Закрыл глаза и замер.

Пару мгновений я потрясенно смотрела на его расслабленное лицо, затем рухнула рядом на колени. Первым делом вцепилась в руку напарника и нестерпимо долго ждала, зажав пальцами заветную жилку на запястье. И только убедившись, что она бьется уверенно и без перебоев, обрушила на Ренда весь запас целительских заклинаний, имевшийся в моем арсенале. Бодрость, регенерация, противоядия… на последнем запнулась, вспомнив, что принцы защищены амулетами.

И похолодела – медальон принца болтался на моей шее. Вне себя от горя я сорвала злосчастное украшение и попыталась надеть на его хозяина. Однако артефакт что-то непреклонно отталкивало, словно Ренд был замотан в самый плотный щит. Помучившись несколько секунд, я отбросила медальон в сторону и схватилась за свой именной амулет.

Думать о том, кого вызывать, времени не было, но что-то в душе восставало против привлечения к этому происшествию малознакомых магистров. Даже тех, кому вполне доверяла: законы цитадели благоразумны и справедливы, но строги к нарушителям.

А Альми явно что-то натворила, и хотя я сама придушила бы любого, кто посмеет сказать, будто она способна на подлость или вспышку ярости, но и не понимать, как велика возможность ошибки, фатальной случайности, тоже не могла. И поэтому звать Стая было бесполезно – ради любимой он не остановится ни перед чем. Бросит вызов всему обществу и даже цитадели, если Альми будет угрожать хоть малейшая опасность.

Оставались только леди Модена и Калиана. Поколебавшись, я послала тревожный вызов целительнице. А пока ждала ее, снова и снова пыталась вернуть командиру его амулет, и лишь убедившись в бесполезности всех усилий, повесила медальон себе на шею. В такие моменты, когда будущее неясно, а полной уверенности нет ни в ком, мощная защита лишней быть не может.

Торопливый стук каблучков послышался на лестнице, ведущей со второго этажа, через долгие три минуты. Я успела за это время притащить воздушной лианой из гостиной ковер и подушки и подсунуть под бесчувственного напарника.

Переносить его в комнату мне почему-то казалось небезопасным. Так и сидела рядом с ним, держа за запястье и умоляя всех богов, чтобы ровное биение пульса не начало сбиваться.

– Что у тебя произошло? – едва спустившись на несколько ступеней, встревоженно спросила Калиана и смолкла, изумленно рассматривая обнаруженную картину.

– Ренд… – горестно всхлипнула я, чувствуя, что еще секунда – и разрыдаюсь позорно, как провинциальная дебютантка.

– Вижу, – мягко сказала она и коротко махнула рукой, видимо, с намерением меня успокоить.

Синее сияние сверкнуло ослепительно, как молния, дохнуло колючим холодком и замерло, надежно закрыв нас с принцем мощнейшим щитом. От потрясения я даже рот приоткрыла, собираясь спросить целительницу, зачем она его поставила. Но тут же крепче стиснула губы, обнаружив, с каким неподдельным изумлением Калиана изучает странный купол.

– Элгиния?

– Это не я. Я вообще ничего не делала и ничего не понимаю. – Мой голос задрожал, и я заторопилась, опасаясь не успеть ей всего объяснить. – Он пришел и с порога сказал, что его отравили, сразу лег и попрощался.

– Сними щит, – нахмурилась Калиана.

– Не могу. Это не мой… я вообще такой в первый раз вижу.

– А я уже видела. Это защита королевского артефакта. Но почему он накрыл и тебя? – В голосе магини звучала озабоченность и растерянность. – Сейчас вызову магистров.

– Нет! – закричала я отчаянно. – Не нужно! Я прошу, не зови никого. Возможно, он ошибся, она не могла причинить ему вреда!

– Он кого-то назвал, – догадалась Калиана. – Мать? Нет, она на острове. Кого же? Гина, тут явно ошибка, и на отравленного он не похож. Ты держишь его руку… какой пульс?

– Нормальный, – шмыгнула я носом. – Наполненный, размеренный. Но, может, яд подействует не сразу?

– А понюхать его дыхание ты можешь?

– Конечно. – Пару секунд я принюхивалась, потом уверенно доложила: – Пахнет каким-то зельем, что-то знакомое, но точно не скажу. Попытаюсь снять медальон.

– Какой медальон? – удивилась целительница и смолкла, увидев в моих руках королевский амулет. – Так вот в чем дело! Нажми на зеленый боковой камушек, это отмена опасности.

Мне не верилось, что все так просто, однако иного выхода не было. Но совет и в самом деле помог: щит растаял, едва я покрутила небольшой изумруд.

– А теперь отойди в сторону, вон к той скамье, и посиди там. – Калиана командовала очень уверенно, и это наполняло мою душу робкой пока надеждой, что принц останется в живых. – Так… чем же его поили? Гина, это не яд. Чтобы знать точнее, нужно спросить того, кого он обвинил – несправедливо, я уверена.

– Альми, – обреченно буркнула я.

Но никто и никогда не услышал бы от меня этого слова, если я и сама не считала происходящее чудовищной ошибкой.

– Как я сама не догадалась! – Целительница проворно отправила вестника и, осторожно сев на мое место, взяла Ренда за руку: – Да, пульс отличный. Не волнуйся, Гинни, ты все сделала правильно. Альми очень повезло, что у нее есть подруга, которая безоговорочно верит в ее доброту и честность. Нам, целителям, чаще приходится встречаться с обратным. Недавно я спасала девушку, которую подруга чуть не убила от ревности к возлюбленному. Увидела со стороны, как та его обнимает…

– А на самом деле? – Меня ничуть не волновала чужая история, я понимала, что меня сейчас просто развлекают, но была безмерно благодарна за это Калиане.

Встречи с Альми я страшилась почти до дрожи.

– На самом деле его укусила в шею пчела, и он попросил вынуть жало.

– Что здесь случилось? – По лестнице вихрем слетел Стай, и я опустила голову, не желая встречаться с ним взглядом.

– Райвенд пришел и упал прямо у двери, – спокойно пояснила Калиана. – Судя по запаху, он пил какое-то зелье.

– Я дала успокаивающую настойку, – заявила Альмисса, рассматривая нас с верхней ступеньки, – на пяти травах. Принца трясло от ненависти, когда он появился.

– На чем настойка? – ровно осведомилась целительница. – Сон слишком глубокий и запах странный.

– На спирту, – сообщила уже добравшаяся до меня Альми. – Травы свежие, отвар долго не стоит. Но ему ведь все равно, королевский амулет сразу нейтрализует спирт.

– То есть, – немедля сообразил Стай, – ты его попросту напоила, забыв о том, что медальон он отдал в ловушке Гинни?

– Я его не поила, – отказалась Альми, поглядывая на необычайно кроткого Ренда. – Он сам. Сказал, что три капли ему сейчас – как лошади вишенка. Вылил в бокал полный фиал и выпил одним глотком. Конечно, я могла бы отобрать, но не стала. Он ведь после паучьей западни даже не поспал толком. Не успел вернуться во дворец, как они набросились, словно стая воронья. А про амулет я не подумала, меня заботило одно: где его спать положить. Травы в зелье все сильные, успокаивающие и сонные.

– Большой фиал? – деловито уточнила Калиана.

– Ровно шкалик, но он был немного не полон.

– Тогда удивительно, как Райвенд дошел, – понимающе усмехнулась целительница.

– Нужно было двери запереть, – мягко попенял жене Стай, и она вдруг рассмеялась в ответ:

– Неужели ты сомневаешься? Я пыталась. Но принц гордо заявил, что его ждет Элни. А на мой намек про ее маленький дом, где уже живет подруга, только усмехнулся, как он умеет, снисходительно, по-королевски. Изрек, что ему хватит и угла, и ушел.

Все дружно глянули на свернувшегося в уголке Ренда и смолчали, но по губам Альми и Калианы скользнули затаенные улыбки.

– Элгиния! – окликнули сверху, и я мгновенно узнала по голосу короля.

– Я здесь, ваше величество!

– Мне нужно узнать… – Он остановился на лестнице, как недавно Альмисса, и обвел нас настороженным взором.

И тотчас обнаружил брата. Альгерт ринулся к нему, как коршун на добычу, упал рядом на колени и сунул пальцы его высочеству за воротник. А нащупав бьющуюся жилку, стремительно оглянулся на Калиану:

– Жив?!

– Да, – спокойно кивнула она. – И будет жить еще лет двести, если не станет заниматься самолечением.

– Да сколько же можно?! – раздался сверху страдальческий голос бабушки. – Ласточка моя, у тебя тут не дом, а прямо придорожный трактир!

– Манефа? – изумился мой наставник, но старушка неожиданно смерила его гордым взором истинной герцогини.

– Леди Манефия Лисвелл, лорд Гесорт. Не сочтите за труд, ваша милость, отправьте нас с внучкой домой, в замок Горензо. В моем возрасте очень вредно не спать по ночам – цвет лица портится.

– Всегда к вашим услугам, – так же церемонно склонил голову Стай, подошел к окну и широко его распахнул.

– Одну минуту, – вскочила я с места, понимая, как он намерен поступить. – Сначала я уложу Ренда в свободной спальне, для друзей у меня всегда найдется нормальная кровать.

Не обращая ни на кого внимания, кастовала малый щит; как огромной ложкой подцепила им командира и перенесла в последнюю свободную спальню. Прихватила на обратном пути в своей комнате шкатулку с амулетами и уверенно взяла бабушку под руку.

– Мы готовы.

– Спокойной ночи, – учтиво кивнул король, и солнечный день сменился ночной мглой.

Портальной башней в замке пользовались очень редко, у всех были именные амулеты цитадели и потому фонарей на ней никто не зажигал.

Глава третья

Манефа упорно молчала, когда я воздушной петлей снимала чехол со светильника и отпирала ведущие внутрь двери; не проронила ни слова, пока мы спускались вниз и шли по пустынным галереям.

Но мне и не нужны были ее объяснения, в правоте бабушкиных действий я всегда уверена, как в поступках своих родителей. И если она так решительно увела меня с Харгедора, не постеснявшись ни короля, ни моего наставника, значит, у нее имелась на то очень важная причина.

– У тебя сколько служанок? – вдруг сварливо спросила Манефа, и я едва не оступилась.

– Там?

– Здесь.

– Семь… или восемь – с кухаркой. Нет, девять, еще же новая домоправительница!

– И все спят как цуцики, когда хозяйка вернулась холодная и голодная.

– Бабушка, если ты хочешь чаю или камин, я все могу сделать. Идем на кухню или подождешь в гостиной?

– Идем на кухню, сама чай заварю, – ворчливо буркнула она. – Посмотрим заодно, что у них в буфетной творится.

Прикинув расстояние до кухни и сочтя, что один раз могу побыть и мотовкой, создала сферу и через пару секунд уже мчала старушку по пустынным галереям, залам и лестницам.

– Не накажут? – коротко осведомилась она, бесстрашно глядя на мелькавшие мимо двери, портреты и колонны.

– Думаю, не захотят. У меня есть веская причина – старенькая бабушка, – отшутилась я.

– Ну и правильно. Я подтвержу. А то никакой выгоды от этой магии, одни беды. – Настроение Манефы явно испортилось, и даже мой отец не взялся бы угадать отчего.

А я тем более молчала, точно зная – сердится она не на меня. На нас бабушка никогда не ругалась. Могла огорчаться, могла смотреть укоризненно и в самом худшем случае начинала обращаться с сухой вежливостью.

На кухне было чисто и пахло ванилью, и я сразу поняла, как права была бабушка. После появления Ренда я столько перетерпела, что только чашка чая и кусок чего-нибудь сдобного могли вернуть мне покой и ясность мыслей.

Вдвоем мы очень быстро все нашли и подали и через полчаса, глядя на сереющее за окнами небо, уже были сыты, довольны и благодушны.

– Делай свою коляску и вези в покои родителей… или нет, в отцовский кабинет, – скомандовала разрумянившаяся старушка, и мы поехали в кабинет.

– А теперь запри дверь и сделай такой щит, чтобы никто не мог нас услышать.

Я понимающе кивнула – Манефа явно была осведомлена об особой защите этой комнаты. Даже самые добродушные и открытые люди нуждаются в местечке, где никто не влезет в душу. И маги ничуть не хуже, но им такое место приходится тщательно обустраивать.

– Ты уж прости меня, цветочек, – удрученно вздохнула Манефа, когда над нами застроился сиреневый купол, – что увела тебя оттуда. Но вот какая досада – не переношу я, когда люди вмешиваются в чужие сердечные дела. Про любовь много сказано и песен спето, но хватает в жизни и таких случаев, о каких в песне не споешь. А ко мне почему-то женщины всегда шли поделиться наболевшим. К старости так и мужчины потянулись. И знаешь, что я выяснила для себя? Во многих своих неудачах люди сами виноваты. Не заметили чужой любви, не оценили, не сохранили. Но еще больше безвозвратных потерь и разбитых сердец по вине советчиков и помощников. Все ведь считают, будто со стороны им виднее, и пытаются подсобить от чистого сердца, не понимая, что события должны идти своим чередом. Вот если ты в

невызревшее тесто положишь начинку, пироги будут квелые, тяжелые, невкусные. Так и душа человеческая – не у каждого сразу принимает чужие чувства.

– Манефа, а поточнее ты не можешь?

– Могу, рыбка моя. Ты сегодня все мне рассказала – и о том, что принц твой ухаживать собрался, и даже в невесты тебя записал. Но невеста ты пока лишь тайная. А для всех знатных господ и дам – совершенно чужой принцу человек, раз сама из отбора ушла. И никому о своем звании сказать не можешь, да и прав никаких пока не имеешь. Понимаешь? Любовь – чувство свободное, сможешь ли ты его прятать, как украденное? Боюсь, ничего хорошего из этого не получится. А они все думают иначе, вот и набежали. И учитель твой, и Альгерт…

Бабушка смотрела на меня с любовью и огорчением, а я все не могла понять, при чем тут Ренд, Альми и король.

– Ну как же, – вздохнула она еще тяжелее. – Принц твой из дворца сбежал, и я его понимаю. Никому такого счастья, как навязанная женитьба, не пожелаю. Но ошибся он раньше – когда считал, будто сумеет переупрямить мать. А она умудрилась даже из тюрьмы его достать. И еще я очень хорошо понимаю, почему он возле тебя устроиться намерен. Когда мужчина сильно любит девушку, он просто не может ее не ревновать. Прежде он за тебя был более-менее спокоен, ты не кокетка и не ветреница, какие с бала на бал порхают. А там, на Харгедоре, вы живете в своем городке, вокруг молодые маги и воины, разные праздники, гулянья, говорят, цитадель на выдумки щедра.

– То есть ты хочешь сказать, что Стай и король помогают ему втереться ко мне в доверие?

– Нет, – укоризненно качнула головой бабушка. – Полагаю, они его тоже понимают и жалеют, а тебя считают немного… запутавшейся и пытаются намекнуть. Но не словами, упаси боги! А действиями, чтобы ты наконец уразумела, что он тебе не безразличен.

– Ну вот это я уже поняла. Но не могу пока сказать, будто чувствую ту самую, истинную, любовь.

– Вот это и есть главное, – облегченно выдохнула Манефа. – И потому не спеши падать ему в объятия. Всем людям хочется тепла и ласки, но большинство принимают это желание за любовь. И это самая большая ошибка: любовь – нечто совсем иное. Иной раз дохнуть на любимого боишься не так, не то чтобы крикнуть или ударить. А в сердце и зимой цветы цветут.

– Помню…

Я действительно не смогла забыть, как захлебывалась от восторга и нежности душа, когда на праздничных приемах Альгерт вел королеву к трону. И прежде всегда ощущала отголоски этого восторга, вспоминая о своей любви. Но сейчас почему-то ничего не чувствовала, кроме легкой досады на саму себя, и это оказалось так печально, словно кто-то выкрал моих некогда обожаемых кукол.

– Тогда идем спать.

– Подожди, еще один вопрос. Ты считаешь, что Альми со Стаем сговорились и нарочно послали его ко мне?

– Нет, цветик мой золотой, я не так сказала. Им сговариваться нет нужды, истинно любящие муж с женой всегда едины во мнениях и желаниях. Каюсь, подслушала вас, любопытно стало, чего они так засуетились. Ведь Альми могла его не пустить и фиал не показывать. Нет, она не солгала, и настой ему не нарочно весь отдала, но когда человек чего-то хочет, он сам себе незаметно подыгрывает. И даже этого не замечает. Ну вот, например, последи, как ведут себя женщины, когда поблизости вдруг появляется молодой мужчина. Все разом начинают дергать на себе платья и поправлять локоны, даже не понимая, как много говорят этим о себе внимательному взору. А король примчался за братом. Ведь убегать Райвенду никак нельзя, он честью поклялся. Но когда Альгерт увидел, как ты о принце заботишься, в постель укладываешь, сразу передумал его забирать. Он, конечно, придет еще, но чуть позже, хочет дать брату возможность с тобой поговорить… и поэтому я тебя увела. Твой главный дар, Гинни,

вовсе не магия, а доброта и сострадание. И мы с твоими родителями очень боимся, как бы, не дождавшись настоящей любви, ты не приняла за нее свою жалостливость. А она не нужна ни тебе, ни Райвенду, он очень сильный и независимый мужчина и достоин настоящего чувства.

– Тебе удалось окончательно меня запутать, бабушка, но даю слово не спешить и никаких решений пока не принимать. Хотя ты, несомненно, права: быть тайной невестой, когда вокруг него бегает семь претенденток, мне абсолютно не нравится.

Бабушка только довольно улыбнулась и отправилась спать.

Я тоже пошла в свои комнаты, но ложиться в постель и не собиралась. За окнами медленно разгоралась заря, а я сидела перед холодным камином в большом кресле, грызла орешки и пыталась сообразить, чем может закончиться для Ренда его отбор. И не видела ни единого достойного выхода. Достойного самого Райвенда, разумеется. Во всех придуманных мной способах избежать женитьбы принц терял либо репутацию среди знатных лордов, либо уважение магов. Ведь у них не принято жениться по расчету.

Точнее, ни один здравомыслящий маг никогда не приведет в свой дом женщину, которую не любит всем сердцем. Ему это просто не нужно, да и опасно для нелюбимой жены. Ведь всем известно, что немилые сердцу люди раздражают нас уже одним своим присутствием. И там, где обычный человек просто устроит скандал, маг сгоряча может швырнуть любое заклинание.

Когда у меня проснулись способности, родители объяснили это едва ли не первым делом и не уставали повторять, приводя жуткие примеры.

Как только рассвело и в доме началось движение, я отправилась в кабинет домоправительницы, забрала все письма, на которые должна была отвечать лично, и все утро занималась делами, пока не пришло письмо от наставника. Он очень учтиво просил разрешения прийти.

Еще вчера я насторожилась бы, сочтя это за скрытую обиду, но теперь, после объяснения Манефы, сообразила, что учитель просто проверяет, сержусь ли я на них.

– Мой дом всегда будет для вас открыт, – немедленно ответила я и велела служанке накрыть стол к завтраку в малой столовой.

На пятерых – на всякий случай.

Но они пришли вдвоем. Стай и Альми.

Замерли на миг в дверях, доказывая этим справедливость подозрений Манефы, и я первая ринулась им навстречу, не желая ни их извинений, ни виноватых взглядов.

– Вы как раз к завтраку, хотя там уже вечер!

– Гина, – вцепилась в меня Альмисса, снизу заглянула в глаза, – мы вовсе не собирались тебя сватать…

– Я знаю. Не волнуйся, Альми, я во всем разобралась. Ренд – самый лучший из всех мужчин, каких я встречала. Могу теперь сказать честно: тогда, в шестнадцать лет, я влюбилась именно в него. Да личина сбила с толку, но теперь это уже не важно. Как выяснилось, того человека я придумала, ведь Райвенда совершенно не знала. Но мне с большим трудом удалось убить в себе эту любовь, и вам об этом известно, ведь именно вы мне помогали. А сейчас я ничего похожего к нему пока не ощущаю.

Говорить о боли, какую испытала сегодня, когда думала, что он умирает, я не стала, слишком свеж был в сердце ее след.

– Я рад, – вздохнул Стай, обнимая тихо всхлипывающую Альми, – разумности, с какой ты об этом рассуждаешь. И понимаю, что это заслуга Манефы. Мне самому очень трудно разбираться в подобных вещах, я смотрю на все это с мужской точки зрения. А у Альми нет такого опыта, как у бабушки, хотя она очень внимательна и здравомысляща. Поэтому мы вполне могли попытаться навязать тебе свое мнение, хотя и совершенно непреднамеренно. Маги ведь никогда не женятся и не выходят замуж за нелюбимых, в этом цитадель непреклонна. И всегда будет защищать своих собратьев. Поэтому сегодня во дворце будет суд, и мы сейчас направляемся туда. Пришли спросить – ты хочешь с нами?

– Конечно, – кивнула я и тут же отказалась: – Но не пойду.

– Из-за толпы придворных прихлебателей? – сразу догадался Стай. – Не волнуйся, Альми тоже пойдет не в собственном облике. Мы принесли тебе амулет, если хочешь, можешь выбрать даже мужскую личину. Ведь подходящая одежда найдется?

Ну, разумеется, на этот вариант я согласилась и, поколебавшись, предпочла женский образ. Мало ли какая ситуация может возникнуть, лучше не добавлять себе излишних сложностей. Да и говорить, если придется, мне проще своим голосом и с женской позиции.

Только выставила одно условие: Стай должен пригласить и Манефу. А захочет она идти или нет – пусть решает сама.

К моему огромному изумлению, идти во дворец на суд бабушка отказалась наотрез.

– Ты уж прости, цветочек мой лазоревый, но нечего мне там делать. Слушать, как недалекие лорды будут говорить заведомые глупости, мне всегда было противно и скучно. Они ведь по уши погрязли в своем высокомерии и искренне считают себя умнее и хитрее всех. И никогда не поверят, что для меня все их уловки шиты белыми нитками. Я лучше пойду к внучке, она меня еще вчера ждала. А ты пиши мне – если нужно будет, снова прибегу.

– Тогда подожди, – заволновалась я, – мне нужно собрать гостинцы!

У Леонсы было уже двое мальчишек, семи и десяти лет, и я старалась как можно чаще посылать им подарки. Одежду, сладости, игрушки. Ее муж служил писарем в гильдии юристов и платно учился на адвоката, поэтому заработком похвастать не мог. Разумеется, им помогали все родичи, но Леонса была весьма щепетильна и деньги брала только у родителей.

А теперь, когда ее муж нашел где-то «настоящую» любовь, троюродной сестре приходилось нелегко, ведь на ней были дети и дом, на покупку которого ушло почти все ее приданое. Когда они поженились, ее любимый был бравым офицером в охране градоначальника и имел лишь лошадь. Все остальное: форма, седло и даже оружие – были казенными, как и комнатка в казарме.

– Не утащить мне столько, – запротестовала Манефа, увидев принесенные служанками плетеные сундуки и корзины. – Да и не нужно оно, тут на целую деревню.

– Мне все равно, куда она это денет, – отбивалась я. – Своим не подойдет, так пусть соседским подарит. И напомни ей, бабушка, что я жду их в гости. Поживут здесь, потом съездим в имение. Если понравится – займет место домоправительницы. Детям там будет очень хорошо: приволье, лошади, собаки, и слуги все очень порядочные. Сладить с ними легко, и у меня на душе будет спокойно.

– Попытаюсь уговорить, – вздохнула старушка.

– А если не удастся, – вмешался Стай, – передайте мое предложение. В Сёжне цитадель открыла школу для мальчиков из небогатых, но родовитых семей, туда требуется порядочная женщина на должность кастелянши. Служебное жилье, хорошая оплата и общий с воспитанниками стол. Дети персонала учатся на равных условиях, поэтому мы выбираем туда самых лучших. Ну и по секрету только вам: большинство наставников – холостяки.

– Стай! Имей совесть, не переманивай у меня надежную работницу!

– У тебя в имении детям негде учиться, и она останется соломенной вдовой, – уверенно возразил Гесорт. – Раз ее муж не сумел оценить такую женщину, то найдутся более достойные мужчины. И, кстати, Манефа, если этот попрыгун попытается заикнуться насчет дома, пишите лично мне. У меня прямо руки чешутся, как хочется с ним поговорить.

– Спасибо, я передам, – кивнула Манефа и взяла самую маленькую корзинку.

Я поспешила обнять старушку и незаметно сунуть в ее глубокий карман тугой кошелек с золотом. Маленькая хитрость, которую удается провернуть так редко, что я никогда не признаюсь в этом и перед судом.

А едва Стай открыл для бабушки портал, смела воздушной петлей все корзины и сундучки и забросила туда вслед за шагнувшей вперед Манефой.

– Гинни! – раздался из портала возмущенный вопль.
– Поцелуй их за меня! – успела крикнуть ей вслед.
Не так много у меня родичей, кому хочется помочь от чистого сердца.

Глава четвертая

Портал привел нашу компанию в особую комнату четвертого этажа, и чем ниже мы спускались, тем отчетливее ощущали властвовавшее во дворце напряжение.

На всем пути от портального помещения до приемного зала сновало не менее роты королевских гвардейцев. Они стояли на карауле у стягов и вымпелов, охраняли все двери и лестницы, ходили дозором по длинным внутренним балконам и галереям второго этажа.

Редкие фигуры придворных дам и кавалеров, как обычно прогуливавшихся по залу в ожидании чая и сплетен, сегодня казались слишком яркими и неуместными на фоне темно-синих с серебром мундиров и форменных фуражек гвардейцев.

Мы с Альми дружно выбрали для визита во дворец одинаковые темно-серые платья магинь с вышитыми на плечах и поясах черными с золотом звёздами, рунами и алхимическими знаками. Стай надел такую же рубашку, а к ней – более темные штаны и колет. И теперь выглядел намного строже и мужественнее придворных щеголей, красовавшихся в светлых и ярких шелках и бархате.

Впрочем, сегодня все наши собратья были одеты в форму цитадели, и чем дальше мы шли, тем больше встречали серых подтянутых фигур. Толстых и лысых магов не бывает, ведь даже самый слабый ученик первым делом старается выучить заклинания исправления недостатков внешности. Недаром на всех материках герои баек про жуликов и самозванцев неизменно лысы и толсты.

– Гесорт! – ринулся нам навстречу высокий плечистый светловолосый маг, и я с изумлением узнала Эстена. – Можно тебя на минутку? Надеюсь, милые леди на меня не обидятся.

– Обидятся, – возразила ничуть не похожая на саму себя Альмисса.

– Что… – Ее голос Эстен явно узнал сразу и настороженно уставился на меня: – А…

– Да, – пришлось мне подтвердить его подозрения.

– Не может быть… – растерялся он, но тут же спохватился: – Так ты мне и нужна! Идем!

– Куда?! – негромко, но властно остановил мечника мой наставник.

– К нему, – метнув в окружающих бдительный взгляд, таинственно шепнул Эст. – Только побыстрее! Пока все не началось, можно поговорить.

Пару секунд они смотрели друг на друга в безмолвном споре, и неясно как, но все же пришли к единому мнению.

– Мы тут погуляем, – тихо буркнул Стай, и это прозвучало обещанием.

Только неизвестно чего. Однако Эстен уже подхватил меня под руку и, склонившись, словно шептал что-то на ушко, неспешно, но неумолимо повел в сторону правого крыла, где обычно устраивали тех из гостей, кого не считали достойными отдельных покоев.

– Мы все сегодня тут, – просветил меня друг. – И чужих не пускаем.

Но я и сама уже заметила отсвет мощного защитного полога, накрывшего эту часть здания.

– Развей мои сомнения – неужели вы считаете, что они рискнут ввязаться в бой? – спросила у Эста, едва мы пересекли эту грань.

– Так ведь дураки же! – уже не понижая голоса, с досадой фыркнул мечник, отпуская мою руку. – Думают, будто можно справиться с магами с помощью амулетов. Пришли, все увешанные драгоценностями, как дикие колдуны.

Я понимающе усмехнулась в ответ. Мне давно известно, что многие знатные дамы искренне считают магистров цитадели наивными глупцами, продающими изготовленные артефакторами кольца, браслеты и пояса кому попало. И ничего странного в этом нет, ведь они никогда не брали в руки ни одной книжки серьезнее слезливых романов. И не удосужились поинтересоваться хотя бы историей собственного королевства.

Но как могут надеяться победить магов их же оружием образованные лорды, изучавшие в лицеях и академиях историю материков и особенно эпоху короля Чаргиса? Ведь именно этот безумный вояка в погоне за мировым господством повел свои войска на цитадель, надеясь захватить мощные артефакты, а в итоге оставил без власти, замков и полной сокровищ казны собственных сыновей.

– Сюда, – остановившись у неприметной двери, еле слышно шепнул Эстен и сделал знак, означавший, что он будет на карауле.

В комнате, куда я попала, окна были занавешены и сумрак разгонял единственный светлячок, висевший над письменным столом, заваленным самыми различными предметами. Оружием, амулетами, мешочками с золотом.

– Кто вы такая? – холодно и почти враждебно осведомился Ренд, сидевший в кресле с высокой спинкой и торопливо складывавший свое имущество в безразмерный кошель.

– Бежать собрался? – спросила я вместо ответа, подходя ближе и пытаясь понять, по какому принципу он отбирает вещи.

– Элни? – Принц отбросил кошель и ринулся ко мне. Взял за руку, заглянул в лицо и досадливо поморщился: – Можешь ее снять… хоть на минутку?

– Лучше не рисковать, – пришлось отказать другу в этой малости.

Личине требовалось несколько минут, чтобы растаять, и еще больше, чтобы вновь восстановиться.

– Хорошо, – согласился он, глянул на настенные часы и заторопился: – Ночью я сбежал, чтобы выполнить свое обещание – все тебе рассказать. Но не рассчитал сил…

– Верить нужно целителям и алхимикам, – сердито буркнула в ответ и непроизвольно вздрогнула, вспомнив пережитую боль. – Ты меня очень испугал своим заявлением.

– Что я сказал?

– Будто Альми тебя отравила. Лег на пол и закрыл глаза… – Говорить дальше я не могла.

– Элни, – принц явно расстроился, – этого я не помню. Абсолютно. Последнее, что осталось в памяти, – как из последних сил взбираюсь на крыльцо, приказывая себе не падать. Прости, сам не понимаю, почему все время делаю тебе больно. Представляю, что ты подумала…

Он снова заглянул мне в лицо и скрипнул зубами:

– Никогда ее не прощу!

И это точно было не про Альмиссу.

– Ренд…

– Скажи – Райвенд. Или Райв… так меня звал отец.

– Кстати, – вспомнила я и осторожно взяла его за руку, – ты же знаешь, что он не погиб?

– Знаю, – хмурясь, смотрел на меня принц, потом нехотя уточнил: – Восемь лет назад?

– И тогда тоже, – я осторожно гладила его ладонь, – и сейчас.

– Когда «сейчас»? – знакомо напрягся он, и мне стало ясно, что цитадели не удалось сохранить в тайне пропажу экспедиции.

– Позавчера. Они были в той шахте, куда ушел сумасшедший в клетке.

– Почему же мне ничего не сказали? – снова помрачнел принц.

– Думаю, не хотели расстраивать. Они ведь считали, что ты ничего не знал. Я не имела права открывать чужих тайн, но мы друзья, а мне известно, как болит сердце, когда у кого-то близкого случается беда.

– Он… цел?

– Да. И здоров. Мне кажется, он придет на суд. Но, скорее всего, под личиной.

Разумеется, это было всего лишь моей догадкой и не стоило говорить о ней Ренду. Но я вдруг поняла, насколько легче ему будет смотреть в злобные рожи взбесившихся от жадности лордов, если он будет знать, что отец в этот час рядом с ним.

Ренд поймал мою руку, нежно прижал ладонью к щеке и закрыл глаза, словно пряча блеснувшую там радость.

– Элни, прости, что так получилось. Сейчас уже не успею все объяснить, но я обязательно приду еще раз… ты же позволишь?

– Куда? – на всякий случай уточнила я, чувствуя в его вопросе какую-то недосказанность.

– К тебе, в твой домик. – Звучавшая в голосе принца усталость с оттенком отчаяния была абсолютно несвойственна моему командиру и не добавляла этому объяснению никакой ясности.

– Откуда?

– Не знаю, поселюсь где-нибудь, – беспечно отмахнулся он и с внезапной ненавистью добавил: – Больше не могу здесь оставаться, просто душит их тупость и наглость! Иногда руки так и тянутся за луком – припугнуть как следует.

Вот этого я и боялась. Знатным бездельникам и в голову не может прийти, насколько со временем обостряется в наемниках цитадели чувство самосохранения и бдительности. Да еще неприятие подлости и трусости. И как скор и категоричен суд бывалых воинов. Второй раз никто не возьмет в напарники щита, прикрывшего в опасной ситуации только себя, или мечника, в погоне за большой наградой зацепившего слишком сильного монстра.

Лорды даже не подозревают, насколько быстро забывают те, кто каждый день смотрит в лицо смерти, надуманные правила тошнотворно лицемерной учтивости. Вроде обязательного вызова на поединок наглого лгуна или подлеца вместо хорошей прилюдной оплеухи. И тем более им невдомек, как опасно задевать и злить магов, точно знающих цену трусливым болтунам.

Конечно, вряд ли Ренд на самом деле станет в них стрелять, но в том, что ему сейчас паршиво и больно, я не сомневалась ни на гран. И очень ясно понимала, что просто не могу не поддержать в такой момент друга и напарника, даже если за это на меня ополчатся все сплетники Тезгадора.

– Значит, спальня в моем домике тебе не понравилась, – с нарочитой печалью вздохнула я, мгновенно догадавшись, чем могу отвлечь командира от предстоящего судилища.

Да и нетрудно сообразить, что это именно то, о чем он мечтал, но не мог спросить прямо.

– Ты выделила мне спальню? – Ренд изумился так правдоподобно, что я почти поверила.

– А где, интересно, ты тогда проснулся? – оскорбленно вздернула нос. – Не могла же я оставить тебя валяться в уголке прихожей.

– Не знаю… Герт разбудил и сунул в портал, а ругался уже здесь. Но я очень тебе благодарен… и поверь, любимая, самый темный уголок твоего дома для меня ценнее лучших покоев этого дворца! И все же я не буду там жить – не хочу, чтобы злые языки отравили тебе жизнь.

– Опоздал, – начала я сердиться всерьез. – Как выяснилось, они давно уже промыли меня в семи водах, выполоскали и высушили, эти самые языки. А до цитадели им не добраться, хотя мне больше нет до них никакого дела. Но раз тебе так дорого мнение придворных дам, второй раз предлагать комнату не стану.

Отвернулась и направилась к двери, втайне желая, чтобы он меня остановил.

– Мне на него наплевать! – Принц в два прыжка оказался рядом, поймал за руку. – На их мнение. Я вообще боюсь только одного – потерять тебя еще раз. Прости за сомнения, был не прав. Свободен там еще мой уголок?

– Райвенд! – не сдержавшись, засмеялась я, только теперь сообразив, что командир умудрился заставить меня уговаривать его принять мое великодушное предложение. – Не нужно со мной хитрить и лукавить. Я ведь не фрейлина.

– Больше не буду, – пообещал он очень серьезно. – Да и сейчас случайно так вышло. А фрейлин ты помянула зря. Но теперь, любимая, тебе пора, времени мало.

Очень нежно поцеловал мою руку, сам открыл дверь и сдал меня Эсту.

По коридорам и каким-то переходам мы почти бежали, и меня изумляла только быстрота, с какой мой друг освоился в дворцовых лабиринтах. Обо всем остальном в этой спешке думать было невозможно.

– Успели, – подтолкнув меня к небольшой дверце, облегченно выдохнул блондин. – Это гостиная для женщин. Через вторую дверь попадешь прямо в тронный зал. Смотри не перепутай, мы садимся с левой стороны, под окнами.

Развернулся и убежал.

А я спокойно вошла в небольшую комнату, куда открывалось несколько дверей. Все как обычно: умывальная, небольшой будуар и буфетная. Распахнутые настежь створки самой широкой двери вели в просторную гостиную, уже почти опустевшую. Только Альми еще придирчиво поправляла прическу возле громадного зеркала, да Савилла с самым отсутствующим видом возила ложечкой в вазочке с мороженым.

– Леди, сейчас выйдет король, – деликатно поторопила нас стоявшая у выхода фрейлина со смешным именем Дагерия.

– Уже идем. – Проходя мимо Альми, я мельком глянула в зеркало и подхватила подругу под локоть: – Нам в одну сторону.

Вскоре мы уже сидели в удобных креслах спиной к распахнутым настежь окнам, даже не сомневаясь, что места для собратьев выбирали магистры. Здесь не будет душно, падающий из высоких окон свет не даст рассмотреть наших лиц, а в крайнем случае все мы сможем мгновенно уйти порталами.

Напротив, у глухой стены, украшенной огромной картой материка и искусными барельефами, сидели придворные и знатные лорды, богатые промышленники и главы торговых и ремесленных гильдий. Женщин среди них было меньше, чем с нашей стороны, и преимуществом это могли счесть лишь неодаренные.

Лично я уже обнаружила несколько сидящих неподалеку сильных магистресс и мою наставницу, леди Модену.

– Его величество Альгерт Грайнор Вадерт! – зычно объявил церемониймейстер, и все дружно встали.

Короля положено встречать с почтением.

Глава пятая

В проеме распахнувшейся торцевой двери появился Альгерт, облаченный в наброшенную на плечи пурпурную королевскую мантию, расшитую золотом и украшенную алыми алмазами. Уверенно и степенно прошел к трону, окинул собравшихся тяжелым пристальным взглядом усталого человека и опустился на свое место.

– Садитесь.

Все поспешили устроиться на стульях и в креслах, стараясь не производить никакого шума, а когда разместились, обнаружили, что возле Альгерта уже сидит вошедший следом Райвенд и расположились десять человек свиты. Все они были одеты в серые костюмы магов цитадели.

Король небрежно расстегнул и сбросил мантию. Присутствующие замерли, рассматривая обтягивающую его мощный торс рубашку стального цвета со звездами и рунами на плечах.

Альгерт выждал с полминуты, давая всем полюбоваться собой и осознать, что может означать его наряд, и сделал величественный знак церемониймейстеру.

– Адвокат цитадели лорд Неверс! – веско объявил тот.

Знатная публика сначала недоуменно замерла, потом принялась переглядываться и перешептываться. Толпа претендентов на родство с королем, сидевшая ближе всех к трону с правой стороны, недовольно загудела.

Его величество медленно повернул голову, смерил лордов долгим ледяным взором, и те притихли. Но судя по скептически поджатым губам и злым ухмылкам, долго молчать не собирались.

– Мне поручено цитаделью, – начал свою речь Неверс звучным и четким, слегка усиленным магией голосом, – выяснить обстоятельства наглого вторжения в королевский дворец толпы незваных знатных господ, проявивших вопиющее хамство и неуважение к его величеству и членам его семьи.

В зале вмиг стало так тихо, словно все мгновенно исчезли, потом упитанный, краснолицый лорд Мазенг, отец одной из шести последних претенденток, громко возмутился:

– Что за бред?!

– Ведите себя прилично, – жестко глянул на него Неверс. – И запомните: если перебьете меня еще раз, будете лишены голоса до окончания суда.

– Да какой это… – Больше ничего сказать Мазенг не сумел.

Лишь хватал беззвучно воздух возмущенно хлопающим ртом, как вытащенная на берег щука.

– Итак, дознание определило достоверно, – чеканно бросал резкие фразы Неверс, – что эти действия были согласованы заранее и управлялись присутствующим здесь лордом Мазенгом, поэтому должны называться разбойным вторжением организованной банды.

Лорды помрачнели и недовольно засопели, но от выкриков удержались, кося хмурыми взорами в сторону своего побелевшего от ярости вожака, обнаружившего, что наказание не ограничилось лишением речи. Теперь он не мог шевельнуть даже пальцем, и о возможности использовать амулеты оставалось лишь мечтать.

– Но и это не все, – размеренно вещал Неверс. – Выяснились и более тяжкие обстоятельства этого заговора. Все эти преступные лорды, отправляя своих дочерей и сестер на королевские смотрины, преступили закон, попытавшись тайком вмешаться в проведение отбора. Ими были даны взятки старшей фрейлине и дворецкому, пообещавшим помочь некоторым претенденткам победить в этом отборе.

– Но ваше величество! – не выдержав, встал с места лорд Тюаре, щеголявший в новеньком камзоле лилового цвета. – Сами мы никогда бы не осмелились, нам прислала предложение ее величество через старшую фрейлину, леди Оттавию!

– И вы сочли, – голос Альгерта задрожал от едва сдерживаемого гнева, – будто вправе заключать подобные сделки? И решать судьбу его высочества?

– Так ведь королева… – Лорд Тюаре никак не хотел понимать, что обещанного ему чуда не произойдет.

– Не смейте сваливать свою вину на королеву! – Резко поднявшись со своего стула, Райвенд мерил несостоявшегося тестя полным ненависти взглядом, а у меня сердце сжималось от тревоги.

Только один раз я видела командира в таком состоянии – в тот проклятый день, когда решила поговорить с напарниками начистоту, не сообразив, что их подло обвели вокруг пальца ловкие интриганки. И ничем хорошим та наша встреча не закончилась. А сегодня Ренд и так расстроен, и мне заранее страшно и за него, и за тех, кто попадет под горячую руку.

– Ренд… – одними губами произнес Альгерт, взглядом приказывая брату сесть, но тот лишь едва заметно строптиво дернул головой.

– Если у вас, лорд Тюаре, хватило бессердечности продать дочь в жены мужчине, который ее не любит и ни грана не уважает, то моя мать тут ни при чем! – с презрением отчеканил принц.

– Как это ни при чем?! – вскочила с места леди Тюаре, разодетая по последней моде. – Мы же не сами привезли сюда свою девочку! Ее забрал придворный маг. А ее величество пообещала нам замок и сто тысяч золотых. – Женщина всхлипнула.

– Королева Ютенсия очень чувствительная и эмоциональная женщина, – Неверс смотрел на супругов Тюаре с легкой насмешкой и укоризной, – ее легко разжалобить. Герцогиня Таринская расхвалила ей свою бедную племянницу, и королева загорелась желанием сделать сразу два добрых дела. Устроить судьбу девушки и порадовать сына скромной и тихой женой. Но, как уже было сказано, вмешиваться в отбор и подтасовывать его результаты не имеет права ни один человек, будь то сама королева. Даже с самыми добрыми намерениями.

– Так что же, – взбеленился лорд Тюаре, сообразив наконец, что теряет сейчас не только выгодного зятя и роскошное будущее, но и все, чем владел прежде, – мы должны были не поверить ее величеству? Отказать ей, как простой горожанке? Так ведь она бы нам этого никогда не простила! Все знают – наказывать непокорных она умеет!

Вот это было очень сильное заявление, и я мгновенно ощутила, как напряглись и подобрались король и окружающие его маги.

– Прежде чем заключить любой договор, – твердо глянул на лорда Неверс, – благоразумные граждане обсуждают его правомерность с юристами или любыми, хорошо знающими закон людьми. Но! – Он поднял палец, предупреждая возражения и вопросы. – В нашем государстве короли стоят на особом положении хранителей старинных традиций, ритуалов и духовного достояния знатных родов. И поскольку все могут заблуждаться или допускать невольные оплошности, цитадель и парламент полностью отвечают за обещания особ королевской крови. Разумеется, это касается только вещественных обязательств. Принцы же, как, впрочем, и все остальные жители королевства Тезгадор, – люди абсолютно свободные и имеют полное право на выбор своей судьбы. Поэтому вашей дочери придется искать другого жениха, поскольку с отбора она уже выбыла. Остальные вопросы уладите с казначеем цитадели. Это решение обжалованию не подлежит. Садитесь, лорд Тюаре.

Он дождался, пока немного успокоенный, но вовсе не обрадованный лорд неуклюже плюхнется на свое место, и перевел взор на спутников лорда Мазенга:

– А вот вам, господа, придется ответить за свои преступные действия по всей строгости закона. И не только вам. Как установлено следствием, организаторами вашего вторжения во

дворец были две знатные интриганки, герцогиня Таринская и леди Оттавия. Обе они сейчас находятся в тюремной башне цитадели и пишут признательные объяснения. Но уже известно, что все требования, предъявленные вами принцу, продиктованы герцогиней, и исполнили вы ее просьбу вовсе не бескорыстно.

Публика зашевелилась, принялась перешептываться и заинтересованно поглядывать на мятежников.

Однако те упорно молчали, успев осознать, как легко разобьет цитадель все их доводы.

А Неверс, выдержав вескую паузу, сурово сообщил:

– За недостойное звания лордов поведение, грубое и неправомерное вмешательство в проведение королевских смотрин и угрозы королю и принцу лорд Мазенг и лорд Ютвелли лишаются всех привилегий, положенных им как знатным гражданам королевства. Пока на двадцать лет, с возможностью уменьшить срок за полезные для Тезгадора деяния. Однако если за это время они сами или их родичи и домочадцы будут уличены в противозаконных поступках или крамольных призывах, король имеет право лишить их и всех пособников звания лордов навсегда. И, соответственно, всех положенных к званиям имений и привилегий. Парламент и цитадель этот указ одобрили.

До этого объявления я была весьма благодарна адвокату за оказанную мне несколько дней назад помощь, но теперь смотрела на него почти восхищенно. Прокурор умудрился смутными намеками на могущество цитадели просто растереть по паркету обнаглевших бунтарей, не оставив им никаких надежд на прощение. О победе речь даже не шла.

– Всем остальным членам банды, – бросив в сторону ошеломленных и настороженных мятежников короткий презрительный взгляд, продолжал Неверс, – назначено такое же наказание и с теми же условиями, но на вдвое меньший срок. И последнее. Все боевые амулеты и жезлы, которые вы незаконно пронесли в королевский дворец явно с недобрыми намерениями, вам надлежит немедленно добровольно сдать артефактору цитадели. Предупреждаю! Любое неподчинение этому указу будет рассматриваться как саботаж распоряжений законной власти и повлечет ужесточение вынесенного вам приговора.

– А как же отбор? – осмелилась задать вопрос одна из трех женщин, сидевших в компании бунтарей.

Она выглядела старше двух остальных союзниц и одета была очень скромно. Да и смотрела не со злостью, как остальные, а с тревогой.

– Отбором занимаются устроители, – заявил Неверс, задумчиво рассматривая просительницу. – И я могу попросить ответить на ваш вопрос лорда Стайна Гесорта.

– Проведение смотрин для принца Райвенда Энтиуса Вадерта не подлежит принародному обсуждению, – не вставая с места, строго произнес Стай, – но для родственников претенденток могу сделать небольшое заявление. После последнего испытания одна из девушек выбывает, не справившись с заданием, а еще две – уходят по уважительной причине. Леди повстречали своих избранников и отправляются готовиться к свадьбе. Это пока все.

Мятежные родственники претенденток озадаченно молчали, пытаясь сообразить, кто из них уже обрел зятя, а кому пора забирать домой невезучую дочку.

Но через несколько секунд, обнаружив рядом с собой леди Модену и строгого мага с сундучком в руках, все они разом забыли про остальные проблемы.

Потеря дорогих жезлов, артефактов и амулетов стала для бунтарей едва ли не самым ощутимым наказанием. Такие вещи приобретаются постепенно и копятся в сейфах и тайниках сотнями лет. И с каждым годом не дешевеют, а становятся все дороже, так как нуждаются в постоянной подзарядке и обновлении заклинаний.

Публика затаила дыхание, никому не верилось, что провинившиеся лорды добровольно очистят карманы и снимут с себя опасные драгоценные игрушки.

И их ожидания оправдались.

Расставаться с ценным имуществом не пожелал ни один из мятежников. Стиснули зубы, словно держали во рту самое дорогое, и прижали локти и ладони к карманам и груди, давая понять всем желающим, где именно хранят незаконное оружие.

Нет, разумеется, жители Тезгадора имели полное право покупать на всякий случай все, что им угодно, но применять боевые амулеты разрешалось лишь для защиты при особых обстоятельствах. При нападении грабителей или взбесившихся зверей. Ну и в редчайших случаях, когда требовалось припугнуть или усмирить перепившего дебошира либо ревнивца. Приносить же подобные вещицы в чужие дома, имения и общественные здания было настрого запрещено. Тем более в королевский дворец.

– Три объекта, – поглядывая на кристалл, заключенный в замысловатую, витую серебряную пирамидку, деловито и буднично произнесла магистресса и шагнула к следующему бунтарю, – четыре объекта, один особый…

Она неспешно и невозмутимо шла мимо преступных лордов, громко называя, сколько запрещенных амулетов и каких именно, скрывали они за пазухой, а маг неотступно двигался следом, держа сундучок открытым.

– Кто-нибудь желает проявить добрую волю и смягчить свое наказание? – сухо осведомился Неверс, когда леди Модена закончила свою работу и вернулась на место.

– Я желаю, – встала женщина, спрашивающая о судьбе претенденток. – У меня один амулет. Только он не мой, мне его дали, чтобы пронесла мимо охраны. Но охрана никого не задержала и ничего не отобрала.

– Принесите сюда, – распорядился прокурор, и все притихли, глядя, как побледневшая леди несет на вытянутой ладони оправленный в серебро кристалл удлиненный формы.

Судя по цвету – с боевыми огненными заклинаниями.

– Он стоит втрое больше твоего приданого, Валенса! – скрипнув зубами, с угрозой рыкнул лорд, рядом с которым она недавно сидела.

Но леди даже не оглянулась, лишь с отчаянием приговоренного задрала нос еще выше. Подошла к сундучку, осторожно положила туда смертельную игрушку и опустила руку, незаметно вытерев ладонь о платье. Повернулась было, чтобы отправиться на место, но Неверс ненавязчиво ее придержал:

– Минутку. Больше никто не желает встать на путь исправления? – громко спросил прокурор, выждал пару секунд и добавил: – Цитадель дает вам последний шанс проявить благоразумие. Учтите, второго случая не будет. Я жду.

Преступники упорно молчали. Публика следила за происходящим затаив дыхание, понимая, что настал самый главный момент этого необычного суда. Мне тоже было это ясно, но в отличие от знати я точно знала, как ошибаются преступники, считая, будто им удалось отстоять свое имущество.

– Ну что же, вы сами подписали свой приговор. – Неверс смотрел на них с грустным сочувствием, как смотрел бы отец на непослушных детей, из-за баловства уронивших в канаву корзинку с праздничными сладостями. – За неповиновение власти срок вашего наказания удваивается, и все вы на это время лишаетесь звания лордов, родовых имений и ценностей. Кроме леди Валенсы. Вы, леди, получаете полное помилование и особую премию цитадели за честность и законопослушность. Подойдите к казначею цитадели. Лорд Гринти, можете забрать амулеты.

– Уже, – отозвался маг с сундучком, закрыл крышку, щелкнул запором и исчез в мгновенно поднявшемся тумане портала.

– Что за бред… – привычно не поверил Мазенг, но его соседи уже лихорадочно ощупывали карманы и неверяще шарили за пазухой в детской надежде, что прокурор всего лишь пошутил.

Со всех сторон, и не только от толпы приговоренных, послышались отчаянные стоны и тихие проклятия. На магистров обрушилась лавина полных ненависти взоров, и лишь теперь я начала понимать, ради чего придворные блюдолизы так рвались посетить этот суд. Судя по поведению, многие из них поставили на победу заговорщиков и одолжили им под нее боевые амулеты из собственных запасов.

– Полковник Бервинт! – разнесся по залу властный голос короля. – Прикажите вашим гвардейцам вывести за ворота этих людей и проследить, чтобы они не попытались воспользоваться отлученным у них имуществом. Пожелали стать простолюдинами, презрев заслуги прадедов и их заветы, – пусть сумеют собственным умом и трудом вернуть утерянное положение.

– Вы еще пожалеете! – выкрикнул Мазенг, до которого все никак не доходила серьезность произошедшего и трагичность его собственной судьбы и всех его близких.

– Ты намекаешь на пять сотен вооруженных слуг и наемников, которые вчера ночью тайком разместились в ваших городских домах? – насмешливо осведомился провожающий их взглядом Неверс. – Так они уже давно покинули Истград. Очень понятливые люди оказались. И законопослушные. А теперь последняя новость. Поскольку все оставшиеся претендентки на место невесты его высочества внезапно потеряли звание леди и вместе с ним – право на участие в смотринах, отбор объявляется завершенным. Девушки сегодня же будут отправлены к родственникам, которые готовы принять на себя заботу о них. Если родственников не найдется, их отправят в один из монастырей, помогающий тем, кто оказался в подобной ситуации, найти достойное занятие.

Одна из двух женщин, уныло бредущих через зал к выходу, видимо, наконец осознала, чья дочь скоро отправится в монастырь для простолюдинок, вскрикнула и рухнула в обморок. По-настоящему упала, со всего размаху, не выбирая красивую позу. Я едва успела подхватить ее любимым щитом, чтобы не расшиблась.

– Опусти ее на диван, – тихо скомандовал Стайн, успевший пересесть поближе к жене. – Сейчас целители помогут.

– Суд окончен, – строго объявил Неверс, словно не заметив происшествия, и замершие статуями гвардейцы направились вдоль рядов, безмолвно приглашая публику покинуть зал.

Впрочем, те и сами не жаждали остаться – торопливо поднимались с мест и теснились в дверях, спеша разнести по Истграду невероятные новости.

Вслед за зрителями зал покинули и воины. Большая часть магов тоже ушла, открыв портал прямо около окна. Вокруг нас стало непривычно пусто и тихо.

Лишь король почти неслышно переговаривался о чем-то с незнакомым мне немолодым магистром, да Неверс диктовал молодому магу новый указ.

– Ну что, друзья, – наконец закончил разговор с Альгертом незнакомец, – поздравляю. Эту атаку мы отбили бескровно, теперь проведем несколько указов и лет на пять можем забыть про всякие мятежи. Вопросов ни у кого нет?

Он явно спросил из вежливости или на всякий случай, маги только усмехались в ответ, но мне было не до смеха.

– Есть, – сказала смело, пытаясь не смотреть в заинтересованные глаза собратьев.

– Гина? – удивился мужчина, безошибочно узнав меня под личиной. – Прости – Элгиния.

– Можно просто Гина. А как зовут тебя, я не знаю. Однако спросить хотела другое. Мне ясно, что преступники жадны и бесчеловечны, и ничуть их не жаль. Но за что так сурово наказаны домочадцы? Или вы не знаете, что никто из родичей лорда не посмеет ослушаться его приказов? Дома эти господа имеют беспрекословную власть, и их никогда не интересует, чего хотят жена и дети. Куда господин прикажет, туда и пойдут.

– Спасибо, Гина, ты снова меня порадовала, – серьезно произнес он. – Тем, кто каждый день ходит в поле, трудно сохранить доброту и сострадание, а тебе это удалось. Зовут меня Ансельз, я один из двенадцати верховных магистров, входящих в совет цитадели. А с мятеж-

никами все не так просто. Это люди из той породы, кто желает получить от жизни сразу все, но не приложить для этого никаких усилий. Они обожают сказки про несметные клады и спасенных гольдов, готовых расплатиться бездонным кошелем, мечтают жениться на огромном приданом, получить большое наследство от забытого всеми дядюшки… и прочее в подобном роде. Недавно они вдруг узнали, что цитадель перебралась на Харгедор, мы нарочно не стали делать из этого тайны. Любители чужих богатств вмиг сочли это знаком к действию и, как обычно, первым делом решили захватить власть. Так как твердо уверены, что доброта и сочувствие, с которыми цитадель относится ко всем бездарным жителям, – это признак слабости. А раз кто-то слаб, значит, его можно подчинить. Разве они правы?

– Нет, – твердо заявила я и честно призналась: – Мне это объяснил отец. Никому не удастся занять место присягнувшего цитадели короля-мага. И цитадель победить невозможно, ведь именно ей принадлежит власть над банками, армией и магией. Но им же этого никто не объяснял?

– Почему же? Всем юным лордам отцы нанимают учителей из гильдии наставников, а экзамен по истории у этих учителей принимает цитадель. Следовательно, все знатные лорды просто обязаны знать правду. Вот только сами они не хотят учиться, скандалят с наставниками и забывают все вызубренное, едва учитель покинет дворец. Но вернемся к их несчастным родичам. Можешь не волноваться, мы не оставим этих людей на произвол судьбы. Детей устроим в школы, где они смогут учиться у хороших учителей, старикам предложим на выбор несколько мест, где им будут рады, слуг оставим в поместьях. Ведь долго пустовать они не должны, в цитадели много молодых магов, которым звания лорда и поместья подойдут намного больше, чем жестоким тупицам вроде Мазенга.

Некоторое время я сидела, отстраненно раздумывая над его словами, а когда подняла голову и огляделась, в зале осталось лишь шестеро магов. Со мной.

Король, Ренд, Стай с Альми и белокожий магистр, пообещавший мне маа.

То есть прежний король Грайнор Зарвинд Вадерт.

– Элни, – безмятежно осведомился следивший за мной Райвенд, неизвестно когда успевший занять соседнее место, – мы идем домой или у тебя есть еще дела?

– Но ведь отбор закончился? И тебе больше ничто не угрожает? – недоумевающе приподняла я бровь.

Нет, мне не было жаль для друга комнаты, да и жить с ним рядом намного надежнее и как-то интереснее. Но для чего принцу оставлять отчий дом и родного брата, если можно спокойно уходить на Харгедор каждую ночь?

– Нет, – с едва заметной досадой буркнул он и раздраженно дернул плечом, как делал лишь в тех случаях, когда приходилось терять драгоценное время на разъяснение очевидных вещей.

Этот жест мне приходилось видеть крайне редко, и он означал, что Ренд очень устал, переволновался и голоден.

– Тогда идем, – кротко кивнула я, сразу вспомнив, что спал он урывками и вообще сидел под арестом.

Принц облегченно выдохнул, крепко обнял меня за талию и щелкнул портальным амулетом.

Глава шестая

Мгновенно возникшая по щелчку темнота приняла нас в свои бесплотные и бесконечные лапы, и я привычно считала про себя, зная, что перемещение до Харгедора занимает три-четыре секунды. Но счет дошел уже до десяти, а путь все длился и длился, постепенно зарождая в душе тревогу. Успокаивало лишь присутствие Ренда: он никуда не исчез, как обычно бывало во время перехода, а по-прежнему держал меня правой рукой.

А чуть позже обнял и левой, прижал к себе так бережно, как там, под завалом. И тихонько дышал в висок, словно уснул.

По ногам скользнул порыв ветра, раздувая подол, и я забеспокоилась всерьез. Попробовав ногой на твердость пол и убедившись, что переход уже закончился, а темнота никуда не исчезла, шепотом спросила:

– Ренд? Ты спишь?

– Нет, – помолчав, тихо ответил он, и мне почему-то послышался в его голосе затаенный смех.

– А куда мы попали… понял?

Напарник молчал еще дольше и ответил, лишь когда новый порыв ветра растрепал мне волосы и рванул юбку:

– В твой домик. Просто тут ночь и непогода.

– А фонари? Разве в цитадели не зажигают по ночам фонари или светлячки?

– Нет. Магистры не желают никому выдавать тайну этого места. Сама понимаешь, пускать сюда чужих никто не собирается, за ними ведь придется следить.

– Тогда идем в дом. – Чувствуя, что ветер становится все сильнее, я кастовала небольшой непрозрачный купол и создала маленький шарик света. – Ты есть хотел.

– Откуда ты это взяла? – осведомился принц, когда мы уже спускались по лестнице.

– Что? – не поняв вопроса, оглянулась я.

– Про еду.

– По жесту… Наизусть знаю все ваши жесты. А вот читать твои гримасы пока не могу.

Он молчал, пока мы не вошли в кухню, потом рухнул на стул и неожиданно захохотал. Весело и задорно, как будто услышал очень веселую байку.

Я лишь усмехнулась и искоса приглядывала за ним, помогая хлопотухе подавать на стол. Они умеют делать множество дел, не могут лишь двух вещей: пользоваться магическими вещицами и огнем. Осторожно достав жаркое из духовки, разогревающей обед амулетом, поставила его на середину стола и села напротив напарника, лицом к двери.

– Доброго аппетита. А как поешь, расскажешь мне, над чем смеялся.

– Прости, Элни, – лицо принца мгновенно стало серьезным, – я не над тобой. Просто вдруг легко стало… А кто тебе готовит еду?

– Пока ем то, что поставила в холодный ларь Альмисса. Потом буду думать. Самое простое и сама могу приготовить, а еще можно заказывать, големы разносят из столовой базы. Но ты ешь, не отвлекайся. Не знаю, как тебя там кормили, под арестом, но выглядел ты усталым, злым и голодным.

– Больше всего я был зол на самого себя, любимая. Вроде не дурак и все знал, – принц расстроенно усмехнулся и глотнул воды, – должен был бы раньше сообразить. Так обидно, ведь почти догадался, но не поверил собственным выводам. Тогда тебе не пришлось бы приезжать на этот дурацкий отбор. Его вообще не было бы, понимаешь?

– Ничего не понимаю и сегодня не собираюсь. – Я и в самом деле вдруг почувствовала, как дорожным мешком наваливается на плечи усталость. – Давай ты мне утром расскажешь?

Сейчас я очень хочу спать. Завтра еще нужно идти на совет. Поешь и устраивайся, твоя комната – первая от лестницы на втором этаже. Вторая – для гостей, моя – в конце коридора.

– Мирного сна, любимая, – пожелал Райвенд, и я сонно побрела к выходу, по пути привычно погладив по голове хлопотуху.

И вдруг споткнулась, словно кто холодной водой в лицо плеснул. Ринулась назад, вцепилась в закаменевшие плечи напарника, тряхнула изо всей силы.

– Ренд! Что произошло? – Он упорно молчал, но я не сдавалась, глядя только на побелевшие костяшки туго сжатых кулаков. – Райвенд! Райв! Ну прости, не поняла, что это так важно… Расскажи сейчас, ну?

– Нет, это не важно… – постепенно оттаивая, выдохнул принц. – Можно и завтра. Ничего не произошло… накатило. Бывает, когда ты любишь, а тебя – нет.

– Думаешь, я не знаю, как это больно? – спросила с горечью и нехотя призналась: – Три года каждую ночь поливала слезами подушку, а потом еще два года с кровью выдирала из сердца эту любовь, как сорняк. И только теперь поняла, в кого влюбилась в тот вечер…

– А там, в твоем сердце, – повернув голову, он истово вглядывался мне в глаза, потом нежно поцеловал вцепившуюся в его воротник руку, – больше не осталось ни единого росточка?

– Райв, – невесело усмехнувшись, осторожно коснулась ладонью его собранных в хвост волос, – осталось, наверное. Но ведь любила я не тебя. А кого-то придуманного, только глаза у него и были твои. Мне вот сейчас вспомнилось, просто интересно… что ты изучал, когда загораживался бокалом? Или нарочно прятался, чтобы я тебя не рассмотрела?

– Ничего я не изучал, – неохотно признался Ренд. – Когда ты бывала на балу, следил, чтобы никто не заморочил тебе голову. Ты ведь доверчивая. А когда ты не приходила, старался поскорее сбежать и шел учить заклинания. Кстати, мой амулет показывает, что на твоем балконе сработал портальный круг.

– Наверное, Стай, – решила я и вернулась к столу.

Подвинула к себе тарелку и принялась за еду. В этот глухой послеполуночный час учитель вряд ли придет сюда ради того, чтобы просто проведать. Скорее всего, снова что-то произошло.

– Так вот, – покосившись в сторону двери, поудобнее устроился на стуле Ренд. – Слушая Ансельза, я вдруг понял, что речь его была как бы сведена к одному намеку. Про полную доступность исторических фактов. Абсолютно для всех. Но редко кто из обычных людей всерьез хочет понять, что на самом деле произошло пятьсот лет назад. И даже не все одаренные об этом задумываются, хотя нас всячески подталкивают к осознанию истины.

– Какой интересный у вас разговор, – произнес от двери Стай. – А гостям чаю нальют?

– Да! – Я попыталась подняться, но принц сделал призывающий не двигаться жест и одновременно свистнул хлопотухе.

А в следующий момент мне стало ясно, отчего Ренд ведет себя с откровенной неучтивостью. Следом за Стаем в кухню вошел Грайнор. Так вот на кого сегодня разозлился командир! И в этом я была полностью согласна с напарником – успела уже представить себя на его месте.

– Так что там про намеки? – Стайн устроился за столом, по-хозяйски кивком указав на соседний стул бывшему королю.

И он тоже был сердит, это я видела ясно, не могла лишь пока понять на кого. И поэтому отвечать не спешила, давая командиру возможность до конца развить свою мысль.

– Просто до этого проклятого отбора я плохо представлял себе истинное положение дел, – хмуро глянул на него Райвенд. – Вернее, недостаточно ясно. Иногда даже по-детски злился на верховный совет. Ведь мы легко могли бы установить на Тезгадоре беспрекословную власть цитадели, а вместо этого сюсюкаем с высокомерными лордами, как с детьми. Позволяем им устраивать интриги, сводить людей в ненавистных союзах, калечить судьбы.

– Они и есть дети, – с болью глянул на него Айнор, как называла короля Альми, – по сравнению с нами. Но дети великовозрастные, считающие себя умными и с уверенностью судящие обо всем на свете. Взять хотя бы самое главное их заблуждение о нас. Абсолютно все неодаренные уверены, будто каждый сильный маг просто спит и видит, как бы захватить все материки и народы, став властелином мира.

Я не выдержала и хихикнула. Это было истинной правдой: все самые страшные сказки и модные романы описывали именно такого умалишенного мага, при этом обязательно белокурого и неимоверно обаятельного. Вот эта обаятельность и являлась самым смешным в подобных историях. Ведь магам доподлинно известно, что ни один человек, одаренный способностью очаровывать людей, никогда и в страшном сне не пожелает завоевывать толпы селян и горожан. Ему это попросту не нужно. Неодаренные и без оружия делают всё, чего ни пожелаешь, доводя иной раз подобной покладистостью до зубовного скрежета.

– Вот именно, – кивнул наставник. – Получив магические способности, человек становится намного сильнее и, постепенно взрослея и осознавая свои возможности, начинает мыслить иначе. Точнее, совершенно не так, как рассуждал, будучи слабым. У него возникают другие интересы и меняются моральные ценности, важнее всего становится родство душ, а не власть над запуганными, источающими ненависть слабыми существами. Ни слону, ни льву неинтересно дрессировать зайцев… Поистине сильным свойственны великодушие, сочувствие и желание помогать слабым, а не карать их. И созидать, а не разрушать. Но вы и сами уже осознали.

– Иначе ты не сказал бы этого вслух, – медленно произнесла я, начиная понимать его правоту.

Да ведь все пятьсот лет, прошедшие после той, почти бескровной битвы, цитадель делает только одно. Ищет и воспитывает магов, незаметно направляет народ по мирному пути, изредка, как нарывы, вскрывая мятежи и саботажи, очень показательно наказывая зарвавшихся недоучек. И ни одной казни… а о судьбе тех, кого скрыли надежные стены монастырей, как мне теперь предельно ясно, можно не беспокоиться. Им обязательно помогут осознать заблуждения, выправить неверные представления и найти место, где они смогут жить в ладу с остальными людьми.

– Вот именно, – сверкнув на Стая осуждающим взглядом, передразнил его Ренд. – Хотя мог бы – декады две назад. Ведь наверняка знал про интриги теток Элни и понимал, как больно ударит ее их предательство и наше с Эстом заблуждение. Но упрямо ждал, когда же ученица позовет на помощь.

– Это закон цитадели, – мрачно пояснил Грайнор, – не навязывать свою помощь магам, достигшим звания подмастерьев и старше, пока они не попросят. Или пока не станет ясно, что маг попал в лапы преступников и сам выбраться не сможет. И это не чья-либо прихоть, а выверенное опытом правило. Цитадель неоднократно пыталась уберечь собратьев от подлых интриг и ловушек. Однако позже, не осознав необходимости постороннего вмешательства, большинство из них непременно обвиняют совет в неделикатности и даже в грубом вторжении в личные дела.

– Мне нужно подумать об этом спокойно, – помолчав, сообщила я гостям намеренно сухо. – Но вы ведь пришли не ради того, чтобы поддержать нашу ночную беседу?

– Да, – с видимым облегчением кивнул мне бывший король. – Мы пришли из-за непогоды. Ветер все усиливается и несет с собой тучи нечисти. Мы выводим людей из сел и городов, оказавшихся под угрозой, и часть сразу отправляем на Тезгадор. Однако пока отправить можно далеко не всех. Больных, пострадавших и потерявшихся размещаем на наших базах и в замках, купленных у местных князей и лордов. Здесь целители быстрее поставят их на ноги. Я тоже купил замок – и пришел вас пригласить. У нас не хватает воинов и защитников.

Райвенд ничего не ответил. Казалось, лучник превратился в статую: сидел не шелохнувшись, лишь губы сжались чуть сильнее, чем мгновение назад. Но мне было хорошо знакомо это недолгое, внешне бесстрастное молчание командира, когда каждая жилка натянута тетивой его мощного лука. После такой паузы Ренд мог принять самое неожиданное решение.

– А идти нужно прямо сейчас? – с самым смиренным видом осведомилась я, пытаясь сообразить, как поступить.

Почему беглый король из всех наемников выбрал именно нас, ясно без слов. Собирается сбить одной стрелой сразу двух птиц. Примирить сына со своим поступком и отвести тень с моей репутации. Понять я пока не могла другое: желает ли Райвенд его помощи.

– Лучше сейчас, – с откровенным облегчением кивнул мне наставник. – Замок расположен на востоке, и там уже утро. А у Айнора много дел, он не был дома почти полгода. И кроме того, ходит пока с помощью амулета – портальщики еще прокладывают туда уверенный путь.

– А Элни устала и хотела поспать, – почти враждебно процедил принц.

Сейчас это было далеко не главным, но в свои намерения ухаживать за мной Ренд явно не желал никого посвящать. И мне пришлось признать его правоту: если мы заявим о помолвке, все вокруг будут ждать от нас определенного поведения, а на такое я еще просто не способна. Но и изображать обычную напарницу у меня тоже нет никакого желания. Абсолютно. Во всех замках обычно обретаются какие-то приживалки, племянницы, кузины… и все они почему-то заранее мне не нравятся.

– Элни сможет отдыхать столько, сколько захочет, – твердо пообещал Айнор. – У нас удобные покои для гостей и предупредительные служанки.

Вот оно – служанки. Да еще и предупредительные. Только их нам и не хватало.

– Сколько комнат в ее покоях? – чрезмерно кротко поинтересовался Райвенд.

– Две, – напрягся его отец, и на миг мне стало его жаль.

Но потом я по привычке поставила себя на его место, сообразила, что моему отцу никогда не придется доказывать мне свою любовь, так как я в ней никогда не усомнюсь, и сочла, что пора брать дело в свои руки. Иначе они со своей деликатностью еще полчаса будут ходить вокруг главного вопроса и так ничего и не решат.

– А у Райвенда? – знаком приказав командиру молчать, осведомилась я, скопировав его интонацию.

– Три… – откровенно растерялся Айнор.

– Значит, там и буду жить, – твердо припечатала я. – И Райву найду уголок.

– Спасибо, любимая, – блеснул он повеселевшим взглядом.

– И еще! Я беру с собой хлопотуху, а на дверь покоев поставлю свой щит, я так привыкла. Предупредите своих слуг, чтоб носы не совали.

– Хорошо. – Бывший король смотрел на меня со странной задумчивостью, но мне почему-то было безразлично, о чем он там думает.

А вот Стайн молча соглашаться явно не собирался.

– Но, Гинни, ты же понимаешь, что тогда тебе придется как-то объяснить это домочадцам Айнора.

– Иными словами, – насмешливо уставилась я на него, – ты хочешь снова поднять разговор о моей бедной репутации? Тогда напомни, пожалуйста, сколько лет мы с Райвендом уже помолвлены?

– Ваша помолвка фиктивна, – невозмутимо и кратко пояснил наставник, но взглядом сказал раз в пять больше.

Однако я уже понимала, что меня испытывают, и не хотела снова сдавать экзамен.

– А вот этого никому знать не нужно, – опередил меня Ренд, которому быстро надоела роль подопечного. – Как и пытаться лезть в наши отношения или высказывать свои советы и

мнения. Все это опротивело мне на Тезгадоре, но там я был проклятым принцем. А здесь – простой лучник и больше ничьих поучений терпеть не намерен.

– Мне собирать все вещи или только необходимое, а остальное переправят портальщики? – встала я со стула, чтобы прекратить этот спор.

– Возьми побольше, – посоветовал Айнор. – И теплое не забудь. У нас ночи прохладные.

– Ясно, – кивнула в ответ, сделала два шага по направлению к двери и очень отчетливо осознала, как неверно будет оставить Ренда наедине с отцом и наставником.

Слишком устал и взвинчен он сейчас, денек был не из легких. А они, словно ничего не замечая, давят на него, почти открыто подталкивая к какому-то поступку или решению. Возможно, это действительно необходимо для чего-то, но мало кому известно, что Ренд далеко не такой толстокожий, как большинство наемников. И сейчас его лучше оставить в покое, хотя бы дня на три.

– Ты идешь мне помогать, – объявила я внезапно даже для себя самой, создала сферу, сунула командира на заднее сиденье и, не оглядываясь, увезла на второй этаж.

– Спасибо, любимая, – ошарашенно пробормотал он через несколько секунд, оказавшись в моей комнате. – Надеюсь, ты не подумала, будто я начну в них стрелять?

– Сам недавно обещал расстреливать всех подряд, – отшутилась я, вызывая свистком хлопотуху и распахивая шкаф. – Теперь не жалуйся. Лучше подумай, как забрать в его замок Эста и Ленси? Они обидятся.

– Я как раз хотел поставить условие, – усмехнулся он добродушно. – Но ты, любимая, сама взяла быка за рога.

– Надоели ваши мужские пляски с бубном возле костра. Я и в самом деле хочу спать, все перепуталось с этими постоянными переходами туда-сюда. Надеюсь, теперь не придется туда возвращаться.

– А к родителям? – испытующе глянул Ренд.

– Райвенд, у родителей я одна, так уж вышло. И они всегда будут жить там, где я, когда возвратятся из экспедиции. Но вернутся ненадолго, я их знаю. Отец переживает, что погибнут ценности, создаваемые тысячелетиями. От сырости и мороза уже осыпаются фрески и картины, чернеет дерево и ржавеет тончайшее кованое кружево, каким на Асгардоре было принято украшать дома снаружи и изнутри.

– Я читал, – тихо сказал он, – и ходил слушать доклад твоего отца, когда он был тут в последний раз. И если честно, даже позавидовал. Тебе повезло с родителями.

– Зря завидовал, – попыталась я шуткой развеять тоску, прозвучавшую в этом признании. – Если твое ухаживание удастся, мои родители будут и твоими.

– А у меня есть шанс? – Райвенд оказался рядом по обыкновению мгновенно, приподнял мое лицо, испытующе и серьезно заглянул в глаза.

– Очень надеюсь, – слегка краснея, буркнула я и решительно поставила между нами щит. – Но сейчас об этом говорить некогда.

– О своих чувствах нужно говорить всегда и везде, – отстранившись, усмехнулся напарник и добавил, не скрывая горечи: – Я дорого заплатил за это знание. И обязательно постараюсь доказать тебе, любимая, свою правоту. Но раз ты настаиваешь – чуть позже.

Глава седьмая

Замок Контзо встретил нас неприветливо. Темные тучи мчались по небу сплошной чередой, стремительно, как ледоход на широкой бурной реке, не оставляя солнечным лучам ни малейшего просвета.

Да и трудно было поверить, глядя на придавившие весь мир мрачные клочья немытой небесной пряжи, что в этих местах когда-то бывает солнце. И все, что можно было рассмотреть вокруг: темно-серые крыши, черный базальт высокой зубчатой стены и гнувшиеся под резкими порывами ветра мрачные туи и ели – полностью соответствовали этому представлению.

Ренд, последние полчаса перед уходом сюда державшийся с неукоснительной вежливостью совершенно чужого человека, вмиг оказался между мной и ветром, заслонил собой, прикрыл полой плаща.

– Нам вниз, потом туда! – прокричал, перекрывая порывы ветра, Айнор, показывая на крыши, темневшие в ста шагах от нас.

Командир сложил пальцы в условный жест, и я утвердительно кивнула. У меня тоже не было никакого желания шагать вниз по продуваемой башне, на вершине которой мы очутились. Тем более магии тут достаточно и амулет наемника уже ощутимо потеплел.

Уверенно свернув щит в сферу, подхватила напарника, его отца и свои сундуки вместе с клеткой хлопотухи и направила невидимое судно к бортику.

– Там ветер!.. – крикнул бывший король и с досадой стиснул губы, сообразив, что внутри сферы можно говорить, не опасаясь, что слова унесет порывом урагана.

– Значит, долетим с ветерком, – примирительно буркнула я. – На какой нам этаж?

– На крыльцо, справа – дом закрыт щитами, – пояснил хозяин замка, и мы ухнули с бортика вниз.

Ветер действительно существенно добавил нам скорости и донес сферу до крыльца за считаные секунды. Мне пришлось, чтобы не пролететь мимо, заранее выбросить плети и зацепиться ими за массивные каменные столбы, поддерживающие нависающий над крыльцом балкон.

– Ну и полет! – выдохнул Айнор, когда я протиснула сферу в двери, распахнутые перед нами потрясенным лакеем. – Ты отчаянная девушка, Элни.

– Элни – один из лучших защитников, – холодно ответил за меня командир. – Но в подобных ситуациях она никогда не берет на себя принятие решений. Это я приказал перенести нас в сфере. И тоже не безрассудно. Мне точно известно, что это действие ей под силу.

– Выговор принимаю. – Голос хозяина вмиг стал холодным и официальным. – Можете не волноваться, больше сомневаться в способностях Элгинии не буду.

– Вообще-то, – не спеша снимать со сферы непроницаемый купол, вздохнула я, – Райвенд пытался сказать, что по своему желанию я действую только в собственном доме. Здесь мы на службе.

– Вот именно, – сухо подтвердил напарник. – А теперь покажи нам наши комнаты. Элни отвезет нас туда в сфере.

– Хорошо, – мрачнея, кивнул бывший король. – По этой лестнице – на третий этаж, тут налево, вторая дверь.

И когда мы добрались до нужных комнат, сухо предупредил:

– Тут заперто.

– Сам открою, – ответил на мой вопросительный взгляд Ренд, и я послушно высадила его из сферы.

Шарахнулась к стене шедшая в нашу сторону служанка, насторожился стоящий у начала лестницы стражник, мимо которого мы недавно промчались.

– Меня тоже выпусти!

Я мгновенно исполнила эту просьбу, поставив хозяина замка между Рендом и поспешно схватившимся за рукоятку короткого меча стражем. Слушать, как бывший король объясняет свое появление из пустоты, не стала, но вполглаза за ним присматривала, пока командир справлялся с замком.

А едва Ренд распахнул двери, провела сферу внутрь и остановила посреди просторной гостиной, пытаясь угадать, куда ведут видневшиеся справа и слева двери.

– Там спальня, – подоспел Айнор, – из нее – дверь в купальню. С этой стороны – небольшой коридор, из него вход в кабинет и дверь в смежные комнаты. Прежде в них была детская.

– Отлично, – кивнул принц. – Значит, можно будет и Эстена тут поселить. Не придется по тревоге бегать по этажам, чтобы собрать тройку.

– Но… – хозяин снова смотрел на сына как-то огорошенно, – его я у цитадели не просил.

– Я сам попрошу. – В голосе принца скользнула досада. – Менять в непредвиденных обстоятельствах напарника не буду. Да и он не поймет такого предательства. Элни, иди устраивайся, ты хотела спать.

– Уже отправила сундуки и хлопотуху, – отчиталась я, всматриваясь в бледное плетение защитных линий. – А отдых отменяется, командир. Проси накопители, будем усиливать защиту.

– Все настолько плачевно? – не сдержался от тонкой усмешки Айнор.

– Нет, для хорошей погоды вполне достойно, – успокоила его и со вздохом добавила: – Но ты же сам маг и воин – знаешь, насколько мощнее будет нечисть, если обрушится на замок с ураганной скоростью. Щиты будут гореть как бумага, каждая песчинка ведь несет заряд магии. Нужно добавить хотя бы пару слоев, и лучше ввязать в систему штук пять водных заклятий… А вообще идеально, если закрепить их на амулеты.

– Щит накроет весь замок? – хмуро глянул Ренд.

– Нет, только дом, – пояснила я, привычно прикидывая, с чего начинать усиление, и скорее для собственного успокоения добавила всем известную истину: – Ведь нечисть не ест деревья и кусты.

– Не хочу тебя расстраивать, – командир стоял у окна, глядя вниз, – но у них там куча народа. И скотина. Видимо, собрали сюда население соседних деревень.

Я ринулась к нему и рассмотрела длинный ряд надворных построек, конюшен, хлевов и казарм, прилепившийся к мощной стене.

– Их мне не потянуть. Да и амулетов на стенах маловато, – призналась, лихорадочно разыскивая укрепленные в гнездах камни.

– Значит, переведем в дом, – мгновенно принял решение Айнор и ринулся прочь, но у двери приостановился: – На крышу вас проведут, а амулеты я принесу чуть позже.

– Успею надеть полевую форму, – побежала я переодеваться.

– Пять минут! – бросил вслед командир.

Мало кому известно, как мгновенно они пролетают и как много можно успеть, если делать только необходимое и не останавливаться возле зеркала. Я успела сбросить платье, нырнуть в легкую броню из особого шелка, усиленную зельями и зачарованными камнями. На ходу сколола волосы в тугой узел и выпила полстакана настоя трав с тремя каплями бодрящего зелья, приготовленного хлопотухой. И напоследок выдала ей приказ без нас никого в комнаты не впускать.

Выскочив в гостиную, обнаружила ожидающих меня напарников и не стала спрашивать, откуда тут взялся Эстен. Все и так ясно: Ренд попросил цитадель переправить, используя как маяк свой портальный амулет.

– На крышу, – скомандовал командир, и мы побежали.

Не так, как носятся сумасшедшие зайцы, а спокойно и размеренно, трусцой, чтобы не свалиться уже через сотню шагов.

Но и с такой скоростью уже через пару минут оказались на крыше, и я, к своей радости, обнаружила возле центрального флюгера гнездо с основным защитным амулетом. Намного проще и надежнее будет привязать мои щиты к нему и попытаться накрыть хоть часть территории замка. С севера всего в нескольких шагах от дома проходила замковая стена, и этот проход я надеялась защитить.

Трех минут хватило нам, чтобы решить основные вопросы, затем я отметила цветными маячками места, куда требовалось установить амулеты, и приступила к делу. Но, связывая линии защиты в одну систему и добавляя новых заклинаний прежнему куполу, закрывающему только дом, по привычке вполглаза присматривала за напарниками.

Они тоже не сидели без дела: заперли и прикрыли ловушками все чердачные дверцы и оконца, затем закрепили по углам принесенные Айнором амулеты.

Он больше не спорил и не пытался командовать, и эта внезапная капитуляция почему-то задела меня своей неправильностью. Насколько я успела заметить, в семьях магов все дети спорят с родителями, доказывают свою правоту или защищают собственную точку зрения. А родители зачастую спорят с неменьшим азартом, но не заносятся, если случится победить своих чад.

– Всё… – устало выдохнула я через два часа, полностью проверив каждый уголок и укрепив все обнаруженные слабые места.

Ренд мигом оказался рядом, подхватил меня на руки и понес к последней открытой дверце.

– Может, лучше я? – тихо спросил командира Эстен, но в ответ получил лишь упорное молчание.

– Мне нужно объяснить подробности магу, который командует обороной, – спрятав вздох, сообщила я Ренду, когда мы выбрались с чердака.

Принц молча оглянулся на шедшего следом отца, и тот неохотно сообщил, что командует сам, но объяснять лучше защитнику, ставившему первые щиты.

– Где он? – на миг приостановился Ренд.

– Спит, вчера поздно лег. Его комнаты в другом крыле, – суховато предупредил Айнор.

– Веди.

– Может, сферу? – заикнулась я, прикинув свои силы.

– На обратном пути, – безапелляционно отказал Райвенд.

– А ты строгий командир, – не то похвалил, не то изумился бывший король.

– Он хороший командир, – вмиг ощетинился Эстен, почему-то принявший это за оскорбление.

– Никто не сомневается, – подмигнула я мечнику, пользуясь тем, что хозяин шел впереди и заметить этого не мог. – Как там Ленси?

– Плохо, – вдруг помрачнел он. – Зря ты забрала бабушку.

– Ну, знаешь! – сначала возмутилась я, потом спохватилась: – А почему плохо-то?

– Мартис примчался, – тихо буркнул Эст, и в его голосе прозвучала тоска.

– Нужно было забрать ее сюда! У меня дом пустой!

– Он приставил к ней тюремщиков. – Бастард явно не желал объясняться при хозяине замка.

– Хорошо, расскажешь позже, – решила я. – А бабушка не помогла бы.

– Плохо ты ее знаешь… – Похоже, поколебать веру Эстена во всемогущество Манефы было невозможно.

– Мартис Селонте? – осторожно осведомился бывший король, но напарники промолчали, и отвечать пришлось мне:

– Он самый. Обращается с сестрой как с преступницей. Охрана у нее мощнее, чем у принцев.

– Так ведь принцев никто не пытается похитить и принудить к замужеству, – мягко, как ребенку, пояснил Айнор. – А Мартис два раза в луну ловит ушлых охотников за приданым. Причем саму Аленсию большинство из них и в глаза никогда не видели.

– Но ее теперь не так-то просто украсть, – усомнилась я. – Ей цитадель способности собирается открыть за тот случай с сыродельней. Ленси в паучий ход вместе с Эстом вошла и два часа рядом с похищенными детьми сидела.

– Так это она та самая Ленси? – остановившись на миг, оглянулся на меня бывший король. – Извините, я сразу не понял. Больше года в цитадели не был, все события пропустил. Теперь постепенно начал разбираться, и, как назло, этот ураган.

– В это время года тут частенько такая погода, – вздохнула я. – Но нечисти в прошлом году было в сотни раз меньше. Она размножается с сумасшедшей скоростью. Стай считает, что скоро сожрет всю живность в лесах.

– Прибыли, – остановился у двери Айнор и осторожно постучал.

– Входите, – раздался знакомый голос, и я вздохнула с облегчением.

– Привет, Пагерт, – сказала первой, едва распахнулись дубовые створки.

– Гина, – засиял он радостной улыбкой, – как ты кстати! А мне сказали – прибыла какая-то Элни… Постой, развей мои сомнения.

– Так меня можно звать только родственникам, – обреченно буркнула я, понимая, насколько наивной была идея представиться просто напарниками.

– Но ведь… – Маг снова смолк, задумчиво наблюдая, как Ренд заботливо устраивает меня в кресле и небрежно садится на кожаный подлокотник.

– Я за ней ухаживаю официально, – невозмутимо сообщил принц. – А что еще тебе сказали?

– Разве это важно? – засуетился вдруг Пагерт. – Теперь я могу уйти со спокойной душой. Гина, в подвале родник, поэтому животных туда не загоняли, а дотянуть щит до стен у меня не получилось. Но без скотины селянам не выжить.

– Им вообще на Харгедоре не выжить, – резко припечатал Ренд. – Нужно уговаривать уйти.

– Не успеем. И порталы перегружены. Создали несколько защищенных мест, ну и этот замок. Он в стороне от ожидаемого прилива или прилета… винт знает, как это назвать. Все, я пошел, в Харреде очень напряженно.

– Стой! Давай мы пойдем в Харред, а ты останешься тут? – спохватился командир.

– Не получится, – категорично отказался Пагерт. – Я в щитах Гины не разберусь, если поправлять придется. До встречи!

Открыл окно и ушел порталом.

– Он прав, – посмотрев в расстроенное лицо Ренда, огорченно пояснила я. – Теперь защита на мне. Давайте отдохнем, только сначала я нарисую вам границы купола и места выходов.

– А ты не можешь… – Айнор смолк, что-то решая, и вздохнул огорченно: – Нет, ничего.

Развернулся и направился к двери.

Однако я прекрасно помнила про разрешение командира добраться обратно в покои сферой, и не собиралась проявлять неуместную деликатность. А если бывший король сейчас уйдет, нам придется с ветерком промчаться мимо, и это по меньшей мере неучтиво, если не сказать жестче.

– Извините, ваше величество! – окликнула я его так кротко и почтительно, как никогда не обратилась бы к матери Ренда. – Не желаете ли присоединиться к нам?

Он обернулся и картинно приподнял бровь в деланом изумлении. Но обнаружил, что мы уже сидим в сфере, которую я, не желая больше пугать местных обитателей, окрасила в бледно-зеленый цвет, поджал губы и посторонился.

– Грузи, – негромко скомандовал Ренд, и я молча выполнила приказ, подхватывая хозяина воздушной лианой и сажая в сферу рядом с собой, одновременно немного меняя расположение кресел.

Командир теперь оказался на одном сиденье с Эстом.

– Но я не давал согласия… – В голосе бывшего короля появились ледяные нотки.

– Извините, ваше величество, – повторила я и огорченно улыбнулась, – но мне в самом деле нужно отдохнуть. А у вас тут везде охрана и домочадцы, которые нас еще не знают и могут испугаться. А от испуга начнут…

Договаривать не стала, он ведь далеко не глуп и сам прекрасно сообразит, к чему может привести испуганный крик какой-нибудь служанки.

К чести его бывшего величества, он действительно очень быстро сделал выводы и расслабленно откинулся на спинку сиденья. Только по чуть прищуренным глазам да досадливо поджатым губам можно было понять, как сильно задела его собственная оплошность.

– А если вы все-таки рискнете намекнуть, – круто разворачивая сферу в ведущий к нашим покоям коридор, так же любезно предложила я, – о чем намеревались спросить на чердаке, возможно, мы и сумеем договориться.

– Извини, Гина, – усмехнулся Айнор. – Я был не прав. И давай перейдем к нормальному обращению магов?

– Хорошо. Так о чем была речь?

– Мне известно, что маги окрашивают свои щиты, как эту сферу. Ты не могла бы так же окрасить купол?

– За этим нужно наблюдать постоянно. Воздух – не металл и даже не вода. Если я окрашу, то должна буду остаться возле купола, иначе границы проходов уже через несколько минут потеряют четкие очертания. Неодаренные этого обычно пугаются или, наоборот, считают, что уже можно пройти напрямик. А у меня щиты сложные, лучше не рисковать. Поставьте колышки и веревки, пусть обходят.

– Отметишь на карте, я сам прослежу, – объявил Ренд, решительно ставя в разговоре точку.

Глава восьмая

Проснулась я от странных звуков. Тихий шорох и поскрипывание, опасливые шепотки и топотки раздавались где-то рядом, на расстоянии пары шагов.

С минуту я вслушивалась в них, просыпаясь окончательно и пытаясь сообразить, как лучше поступить: резко снять непрозрачный купол, которым я закрыла половину комнаты, где стоит кровать, или создать следилку и сначала посмотреть, кому пришла в голову безумная идея попытаться взломать мою защиту. Служанки тут такие любознательные или все-таки за ребятишками никто не присматривает?

«Если все же горничные, то их неплохо бы припугнуть, но с детьми так поступать нельзя», – наконец сообразило мое проснувшееся сознание, и я создала следилку.

Ну точно, ребятня. Не знаю, сколько им лет, я в этом плохо разбираюсь, но не совсем малыши. Оба в штанах и рубашках, но волосы у одного короткие, а у второго – ниже плеч. Может, это пажи мачехи Ренда? Насколько я знаю, в некоторых замках еще берут на воспитание мальчиков лет десяти на эту непыльную должность.

– А-ах! – зевнула я нарочито громко и задумчиво произнесла: – Кажется, в этом замке водятся крысы… или ежики. Мне слышался топот и шорох.

За щитом тихо прыснули, потом ребенок с длинными волосами смело заявил:

– У нас нету крыс. И ежиков тоже.

– А кто у вас есть? – начиная одеваться, поинтересовалась я.

– Собаки. Только с ними играть нельзя, – по-взрослому вздохнул малыш.

– Злые?

– Нет, просто Тим их боится.

– Почему? – задала я новый вопрос, стараясь говорить как можно миролюбивее.

– Его монстра напугала, – печально поведал маленький собеседник. – Монстра Юта.

– Кто? – изумилась я и тут же сменила тему: – Я уже оделась, сейчас уберу щит, вы меня не испугаетесь? Я не монстра.

– Не испугаемся, – уверенно пообещала девочка, в этом я теперь была почти убеждена.

– Ну тогда давайте знакомиться, – на всякий случай сев в кресло, предложила неожиданным гостям и сняла защиту. – Я – Элни.

– А я – Анелли. А он – Тим. – Девчушка смело подошла ближе, рассматривая мою форму. – Ты тоже убегала в чем придется? Матушка уже раздала все платья.

– Нет, я не убегала. И платья у меня есть… дома. Я маг и здесь по делу, держу над вашим замком защиту.

– Такую, как зеленая стена? Она крепкая.

– Еще мощнее. А Тим почему молчит?

– Он стесняется чужих, – объяснила словоохотливая Анелли. – А ему уже восемь лет. А мне шесть скоро будет.

– Мне казалось, вы близнецы, – удивилась я и прикусила язык.

– Все так думают, – гордо заявила гостья. – Я быстро расту. А что ты еще делать умеешь?

– А чего бы ты хотела?

– Просить нельзя, – покосившись на дверь, вздохнула она и состроила укоризненную гримаску. – Так делают только невоспитанные дети.

– Знаю, – не выдержав, подмигнула я, – нужно ждать, пока тебе что-нибудь предложат. Так вот, я предлагаю покататься на уточках.

И тут же создала два снежно-белых воздушных креслица в форме уток. Крупных таких, примерно с аиста. Только без ног.

Они плавно покачивались в трех пальцах от пола, но дети медлили, хотя в их глазках светился интерес.

– Не умеете, что ли? – нарочито удивилась я и создала третье кресло, немного больше. – Смотрите, как просто. Садишься и едешь. Нужно влево – похлопал по боку левой рукой, вправо – правой. Подняться – погладить уточку по голове, опуститься – провести ладонью против пера.

И продемонстрировала все на собственном утенке. Разумеется, скорость я кастовала небольшую и связь с видоизмененными щитами не обрывала, но оставила детям полную иллюзию самостоятельности.

– А папенька ругаться не будет? – еще сомневалась Анелли, но Тим, от которого я никак не ожидала решительных действий, уже сидел в своей уточке и довольно уверенно поднимал ее в воздух.

– Но ведь придумала это я? – Каверзно улыбаясь ей, направила свое кресло вслед за Тимом. – Значит, ругать нужно меня.

Возможно, она сомневалась бы и дальше, но мальчишка вдруг счастливо взвизгнул, и это стало последней каплей, разрушившей плотину детского благоразумия. Нел мгновенно оказалась в кресле своей утки и резко взмыла почти под потолок.

Мне пришлось кастовать простенький щит, прикрывающий все вещи, стены, потолок и окна. Он не позволял прикоснуться к твердым предметам, заранее исключая возможность столкновения.

Минут пять мы весело кружили по комнате, совершенствуя навык управления щитами, но вскоре детям стало этого мало.

– А можно в той комнате? – закричала Нел, показывая на дверь в гостиную. – Или в коридоре?

– Еще немного в той комнате, и пойдем обедать, – пришлось пресечь ее желания, пока они не превратились в планы по освоению бальных залов, если таковые тут есть.

– Ура! – закричала девчонка и первой направила утку к двери.

– Ура! – повторил ее брат и улыбнулся мне неожиданно светло и до боли знакомо.

Я даже забыла на миг о необходимости управлять своим утенком и едва не врезалась головой в потолок. И лишь благодаря собственной предусмотрительности избежала шишки на лбу.

Распахнув воздушной лианой дверь, я первой нырнула в нее, на случай, если напарники устроились в гостиной. Однако в просторной полутемной комнате никого из них не было. Где-то за наглухо закрытыми ставнями и задернутыми занавесями бушевал ветер, селяне и воины торопливо сгоняли под мой щит домашний скот, а здесь одиноко светила в подсвечнике обычная свеча и остывал чай в изящном серебряном чайнике. Правила безопасности вспомнились мгновенно, и пришлось срочно убирать огонь и посуду, прежде создав с десяток веселых, разноцветных, светящихся шариков и закрыв щитами стены и мебель.

Теперь игра стала намного живее и интереснее, мы гонялись за светлячками и эфемерными радужными бабочками и считали, кто больше поймает падающих с потолка туманных перьев. Веселье было в самом разгаре, когда дверь вдруг широко распахнулась и на пороге возник его бывшее величество.

Я заметила его не сразу – сначала почувствовала, как рвется немудреный щит, и поспешила оглянуться. В глаза бросились хмурый взгляд и туго сжатые губы Айнора и залитое слезами лицо выглядывающей из-за его локтя женщины.

Дети тоже увидели нежданных гостей, дружно опустили на пол своих уточек и замерли в ожидании – явно не счастливых улыбок и радостных объятий, всегда ожидавших меня после подобных проказ. Разумеется, мне говорили о том, как волновался отец и расстраивалась мать, но значительно позже, прежде сполна дав понять, как они меня ждали и любили.

И теперь, при виде детских фигурок, сжавшихся в ожидании упреков или наказаний, во мне вдруг полыхнул яростный, дерзкий и несокрушимый гнев.

– Очень приятно видеть вас в моих покоях, – создав сферу и усадив позади себя детей, с безукоризненной ледяной учтивостью произнесла я. – И позвольте спросить, вам случайно не известно, чьи это малыши?

– Известно, – процедил Айнор. – И я их забираю.

– Нет! – воздушной лианой прижав рванувшихся было детей, безапелляционно возразила я и с облегчением заметила в его взгляде растерянность.

Возможно, мне и удастся с ним поговорить, точнее, договориться. Получаса, проведенного в обществе этих бесхитростных ребятишек, мне хватило, чтобы понять, что опасаюсь я далеко не всех детей. С некоторыми могу довольно легко найти общий язык. И теперь вовсе не готова терять крохотный огонек доверия и приязни, возникший за это время.

– Почему? – осторожно осведомился Айнор, приобняв схватившуюся за него женщину.

– По простой причине. Это я пригласила детей поиграть, но не из прихоти. И сначала хочу отвезти их на обед, как обещала, а потом уточню некоторые вопросы.

– Что тут происходит?! – Небрежно потеснив отца с мачехой, в гостиную ворвался Ренд.

Следом за ним протиснулся Эстен, опытным взглядом воина окинул дислокацию и уверенно занял позицию между нами и командиром.

– Мы собираемся на обед, – деловито доложила им и пояснила: – Я пригласила и своих гостей, но не знаю, куда лететь.

– Стол для нас накрывают через три двери отсюда, – принял наконец решение Айнор, развернулся и пошел впереди, поддерживая жену.

И только в этот момент я заметила, что она в интересном положении, и следовательно, в ближайшее время у Ренда появится маленький братик. Или сестренка.

За столом дети как по команде сели рядом со мной, и это тронуло и одновременно насторожило меня до глубины души. Хотя отлично понимала, что Айнор вернулся домой в трудный час, почти за год дети от него отвыкли. А ему не до игр с ними, когда речь идет о спасении жизней. Но разве нельзя было выделить хотя бы несколько минут, чтобы все это им объяснить? Им ведь нужен не строгий воспитатель, а добрый и понимающий отец, человек, которому можно принести и боль, и радость, с кем захочется поделиться любыми тайнами, сомнениями и надеждами.

– Как зря ты отпустила бабушку, – с тоской заметил Эст, понаблюдав, как я тихонько перешептываюсь с детьми, помогая им выбрать еду.

– Не могу же я таскать старушку на все задания, – с укором глянула я на друга и со вздохом призналась: – Хотя и мне не хватает ее советов.

– Советы тут должен просить кое-кто другой. – Ренд, усевшийся рядом с Тимом, как-то подозрительно быстро нашел общий язык с мальчишкой.

И всего-то помог тому отрезать самый зажаренный кусочек индюка и выковырять из него на тарелку для костей дольки яблок.

– После обеда жду вас в своем кабинете, – сухо произнес Айнор, и Райвенд вдруг усмехнулся.

Откровенно, разочарованно и горьковато.

– Ничего не меняется. Ты не представляешь, любимая, как я ненавидел когда-то эти слова.

– Потом обязательно расскажешь, – заметив, как навострили ушки ребятишки, мягко предупредила я. – А сейчас едим десерт и отправляем моих маленьких друзей в их комнаты. А кстати, где их гувернантка?

– Нет у нас гувернантки, – мрачно глянул на меня Айнор. – За ними следит тетушка Летиции.

– И где же она? – простодушно осведомился Эстен. – Мы оставили Гину выспаться…

– Я отлично отдохнула, – перебила я его и замерла, глядя на бледнеющую хозяйку: – Вам плохо?

– Нет. – Ее губы еле шевелились.

– Я отнесу ее в покои! – Бывший король вскочил с места, подхватил жену на руки и торопливо ринулся прочь.

В этот раз я не решилась предлагать ему свою помощь. Не похоже, что она его обрадует, да и оставить детей, по моему мнению, было не лучшим поступком. Ко мне они уже привыкли, а напарников пока дичатся.

– А можно мы не будем есть фруктовый мусс? – несмело заглядывая нам в глаза, спросила Нел. – Мы его ненавидим.

– Тогда что же вы хотите на сладкое? – бросив на Ренда странный взгляд, с улыбкой спросил Эстен.

– Просто ягоды… вишню или землянику. Только не мятые. – Личико девочки брезгливо передернулось.

– Я достану, – поднялся с места командир, подумал и предупреждающе глянул на меня: – Если будут другие… «фрукты» – пришлю тебе вестника.

– Ладно, – согласилась я, гадая, какую операцию он задумал, и машинально погладила Нел по голове. И тут же, оглянувшись, поймала такой несчастный взгляд Тима, что руки сами потянулись обнять его и прижать к себе. – А ты что любишь из сладкого?

– Маковки. – Ребенок бесхитростно глянул мне в душу хорошо знакомыми серыми глазами. – Нам Кейла дает, когда мы ее слушаемся.

– И часто? – ошеломленно приподнял бровь Эстен.

– Всем рассказывать нельзя, – тихо и доверчиво шепнул мальчуган, – а то у нее отберут. И нам придется всегда есть мусс с протертыми сливами.

– Не переживай, – меня уже начинало трясти от ненависти, – я знаю, где достать самые лучшие конфеты. И раз мы подружились, буду вам приносить целыми корзинами.

– Нельзя давать детям такие обещания, – хмуро заметил вернувшийся Айнор и строго уставился на дочь: – А почему вы не едите мусс? Вам полезны витамины.

– Райвенд пошел за ягодами, – с нажимом сообщил Эст. – Детям полезнее целые плоды, а не намешанные неизвестно с чем. Ты не пробовал? Редкая гадость.

Лицо бывшего короля потемнело от гнева, и в этот миг передо мной замерцал почтовый вестник. Быстро пробежав глазами пару строчек, я написала ответ и отправила, не забыв превратить письмо в пепел.

Командир появился через пару минут и поставил на стол корзинку с отборными фруктами, виноградом и туесок с земляникой.

– Эст, – коротко кивнул он на дверь, – покарауль на кухне, пока мы доедим и доберемся до кабинета.

Мечник послушно вскочил и направился к двери, но я успела создать ему маленькую сферу. Его способностей в магии воздуха вполне достаточно, чтобы добраться до кухни.

Ягоды дети ели почти с благоговением, и глядя на это, Ренд мрачнел, а его бледнокожий отец, наоборот, белел все сильнее, до голубизны.

И вдобавок у него начинала постепенно дергаться щека.

– Успокойся, – сделав над собой усилие, Райвенд положил ладонь на руку отца, – теперь она никуда не уйдет. Элни, как у тебя?

– Все готово, – доложила я и вдруг почувствовала, что должна немедленно посмотреть ему в глаза, поддержать взглядом, одобрить решение, доставшееся напарнику так нелегко.

Подняла взгляд и столкнулась с напряженным взором жениха – законного, по его мнению, но фиктивного, по словам Стая. И не удержалась – незаметно подмигнула, скрасив не присущее мне легкомыслие одобрительной улыбкой.

– Спасибо, любимая, – очень тихо, но с чувством сказал командир, и это было точно не про задание, присланное мне с вестником.

Бывший король даже поперхнулся, однако постарался сделать безразличный вид. Но вместо бисквита с ромовым кремом положил себе на тарелку порцию мусса.

Я откровенно наблюдала за тем, как он пробует эту буро-лиловую массу, и сполна убедилась во всех своих подозрениях, когда король после первой же ложки начал краснеть словно от жгучего перца.

– Оставь, не мучься, – сжалился над ним Ренд. – Лучше идем в кабинет. Элни?

– Служу цитадели! – отозвалась я, усаживая всех в сферу, и теперь это было не роскошью, а экономией драгоценного времени.

В коридоре мы очень удачно встретились со смазливой пышненькой дамой в довольно скромном на вид платье седого бархата, очень ловко обтягивающем все ее прелести. И стоившем, по моим приблизительным подсчетам, не менее чем украшавшее его сапфировое колье.

– Я за ребятишками, – лучезарно улыбнулась она Айнору. – Наконец-то всех устроила. Как они поели?

– Хорошо, – буркнул он и замер, обнаружив невероятное зрелище.

Родственница его жены висела в воздухе, спеленатая невидимым щитом, и тщетно пыталась открыть рот. Мне пришлось его накрепко закрыть, чтобы тетушка не напугала детей.

– Просто в сфере для нее нет места, – мило улыбнулась я хозяину. – Ничего страшного. Пусть учится летать.

И направила сферу дальше. Возле своих покоев приостановилась на миг, подхватить разбуженную сигналкой хлопотуху, и вскоре мы были у самой дальней двери.

– Тут наши комнаты, – доложила мне Анелли. – А ты придешь?

– Обязательно, – пообещала я, высаживая их и хлопотуху. – А это мой подарок. Ее зовут Хло, и она лучше всех знает, что вам можно есть, а что нет. И игры она знает… а вот ездить на ней нельзя. Она еще очень молодая, и вы для нее тяжеловаты.

Хлопотуха ухватила ребятишек за руки и утащила в комнаты, не забыв защелкнуть засов на двери. Пока мы не разобрались в местных интригах, мне не хотелось знакомить ее даже с матерью моих новых маленьких друзей.

В кабинете, расположенном напротив наших покоев, я убрала сферу, но не стала отпускать модницу, лишь посадила ее на стул.

– Я понимаю, что тут далеко не все идеально… – начал Айнор, устроившись за столом, но Райвенд бесцеремонно его перебил:

– Прости, отец, но давай сначала обыщем эту женщину и снимем с нее амулеты. Потом допросим, и если мои подозрения подтвердятся, Элни просто выбросит ее за замковую стену. Нечисть всех съедает подчистую, даже костей не остается, только пучок волос. Но у этой они наверняка накладные, да и не станет никто ее искать. Я сам подтвержу, что она ушла порталом в свой дворец… или у вас замок, леди Кейла?

Я убрала воздушный кляп и несколько минут вместе с остальными слушала всхлипывания, жалобы и заверения в невиновности. А мой поисковичок тем временем осторожно, как ярмарочный воришка, обчищал ее потайные карманы и расстегивал защелки колье и медальонов.

– Довольно, – заявил внимательно следивший за моими действиями принц, когда в стоящей перед нами вазе с остатками сухого печенья замер последний амулет. – Элни, придержи ее.

Встал с диванчика, направился к моей пленнице и достал из кармана флакончик. Посмотрел сквозь него на свет, подумал и резко зажал двумя пальцами нос возмущенно верещащей леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.